
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1974
НИВА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛО

ЩАДЬ, 1 МАЯ 1974 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

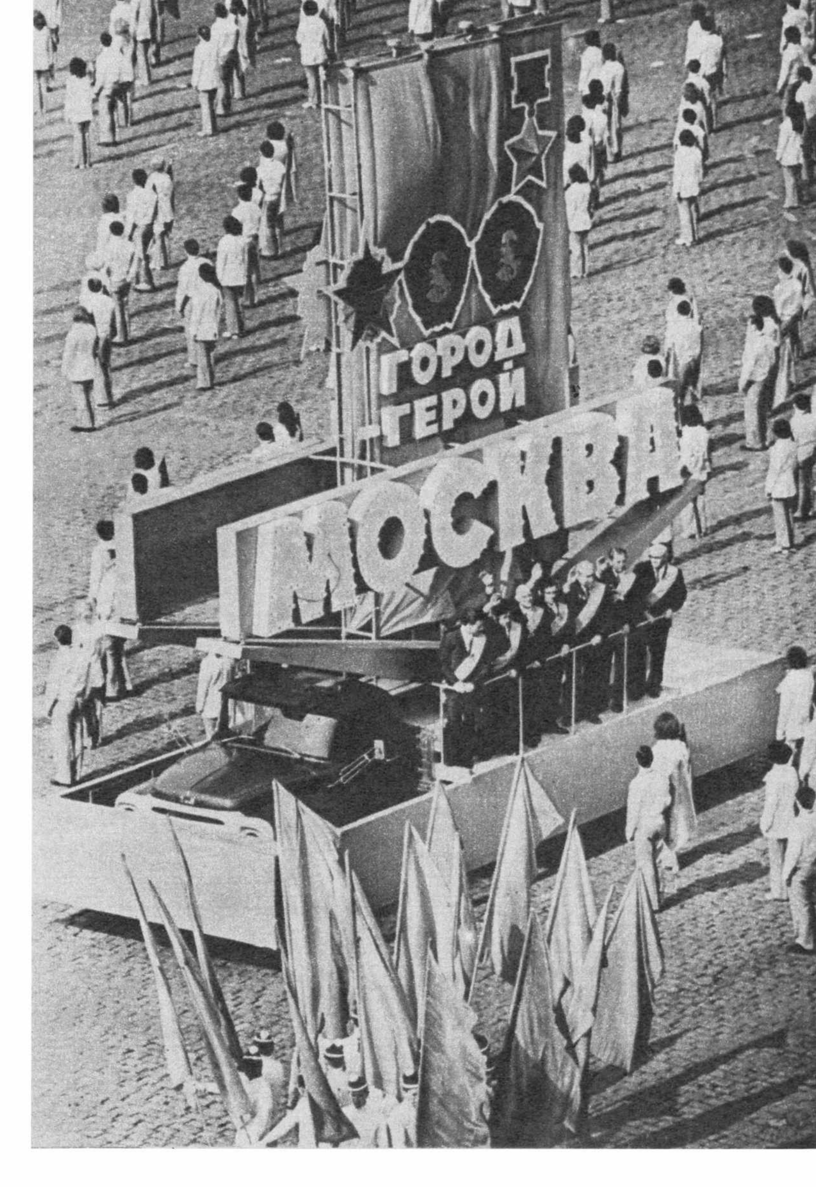
№ 19 (2244)

4 МАЯ 1974

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 1 МАЯ 1974 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели: ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ.

ГОРОД
ГЕРОЙ
МОСКВА

Москва, Кремлевский Дворец съездов. В президиуме торжественного заседания, посвященного 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. XVII съезд ВЛКСМ приветствуют делегаты исторического VI съезда комсомола.

С ИМЕНЕМ Л

Делегаты принимают приветственное письмо XVII съезда ВЛКСМ Центральному Комитету КПСС.

Фото А. ГОСТЕВА и Г. КОПОСОВА.

ЕНИНА

Через несколько часов поезд умчит этих юношей и девушек на грандиозную стройку века — сооружение Байкало-Амурской железной дороги.

Москва, Кремлевский Дворец съездов. С 23 по 27 апреля здесь работал XVII съезд ВЛКСМ.

«Родина, партия верят в молодое поколение, и жизнь показала: в любом деле на комсомол можно смело положиться!». Эти слова, сказанные Леонидом Ильичом Брежневым в речи на XVII съезде ВЛКСМ, как бы определили смысл каждого выступления, прозвучавшего в эти дни. На трибуну поднимались шахтер и студент, ткачиха и хлебороб, воин Советской Армии, металлург, строитель — профессии всех ораторов просто невозможно перечислить! Делегаты съезда рапортовали о поистине безграничном вкладе комсомольцев в трудовые свершения пятилетки. Комсомольский съезд был крупнейшим событием этих дней. Можно сказать, в его работе приняла участие вся страна, все советские люди: отчет комсомола о его делах стал поддинно всенародным отчетом перед Родиной!

Горячо были встречены делегатами съезда выступления зарубежных гостей.

...27 апреля 1974 года. Заключительный, пятый день работы съезда. Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию, здравицами в честь Коммунистической партии Советского Союза, ее ленинского Центрального Комитета, возгласами «Ура!» встретили делегаты и гости съезда товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Торжественное заседание XVII съезда ВЛКСМ, посвященное 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, открыл первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Съезд горячо приветствовали прославленные представители всех поколений советского народа. Среди них делегаты исторического VI съезда РКСМ, на котором было принято решение о новом наименовании комсомола: Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Съезд приветствовали посланцы героического рабочего класса и колхозного крестьянства, научно-технической интеллигенции, деятели литературы и искусства, выдающиеся советские спортсмены, ветераны гражданской и Великой Отечественной войн, воины доблестных Советских Вооруженных Сил.

Комиссар Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVII съезда ВЛКСМ В. В. Мучицин доложил Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу о готовности отряда отправиться на строительство Байкало-Амурской магистрали, выполнить важнейшее поручение партии и комсомола.

От имени съезда группа делегатов возложила гирлянды Славы к Мавзолею В. И. Ленина и могиле Неизвестного солдата.

Делегаты съезда с огромным воодушевлением принимают письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. Под бурные аплодисменты Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу вручается рапорт о делах и свершениях комсомола, всей советской молодежи.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников объявляет XVII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи закрытым. Все встают. Вспыхивает бурная овация. Делегаты и гости поют партийный гимн «Интернационал». Вновь вспыхивает бурная овация. Раздаются возгласы «Ура!» в честь Коммунистической партии Советского Союза, Ленинского Центрального Комитета партии, Политбюро ЦК КПСС, советского народа, Советского правительства, героических Советских Вооруженных Сил. Звучат здравицы пролетарскому интернационализму, коммунизму. Зал скандирует: «Ленин — партия — комсомол!», «Ленин с нами!»

ТРЕТЬЕ РОЖД

Михаил АНДРИАСОВ

Ростовчане любят свой главный завод, гордятся им. И когда говорят о нем, непременно напомнят: он рождался трижды. Первый раз, когда в конце двадцатых годов его возводили вчерашние бойцы Первой конной в степях под Ростовом, там, где они рубились с белогвардейцами Деникина.

Летом двадцать девятого года в Ростов приехал Алексей Максимович Горький. Он побывал здесь на строительной площадке, шумевшей как улей. Эту площадку тогда вся страна называла «Сельмашстроем». Высокий, чуть сутулый, окруженный землекопами, слесарями и каменщиками, Горький трогал только что возведенные стены и взволнованно говорил: «Вы кирпичи кладете, а в буржуазных газетах какой вой идет — про ваш завод пишут, удивляются, не верят. А нам доказать надо! Всему миру доказать, и я верю: вы докажете!» И доказали.

Второе рождение «Ростсельмашу» принесли герои Великой Отечественной войны.

Была зима 1943 года. Ростов лежал в руинах. С чего началось восстановление города? С «Ростсельмаша», с его цехов, на которые с надеждой глядела истерзанная, истосковавшаяся по рукам хлеборобов земля...

Третье рождение «Ростсельмаша» наступило сравнительно недавно, в ту пору, когда на площади, недалеко от проходной завода, прямо с главного конвейера въехал на пьедестал и навечно застыл там миллионный комбайн, комбайн-памятник первым поколениям ростсельмашевцев. В те дни уже было известно о рождении нового, более совершенного степного корабля — комбайна «Нива». И уже тогда стало ясно, что «Ниве» с ее высокой производительностью будет тесно в старых цехах.

Началась грандиозная реконструкция «Ростсельмаша». Завод был объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Со всех концов страны сюда ехали по комсомольским путевкам молодые патриоты, посланцы всех пятнадцати союзных республик. Прибыл пятитысячный отряд юношей и девушек!

Реконструкция. Это официально. А по сути, «Ростсельмаш» рождался заново. Возникли не только новые производственные площади — появились **блоки** новых цехов, появился гигантский кузнечно-прессовый корпус — своеобразный завод в заводе, объединивший десять новых больших цехов.

Рождались новые цехи, новые трудовые коллективы, формировались новые трудовые отношения, новые характеры.

...В механосборочном я познакомился со слесарем-сборщиком Анатолием Сдобновым. На Всесоюзную ударную комсомольскую стройку он приехал из Саратова. Волжанин восторженно говорил о новом комбайне.

— До чего же умная, сильная, красивая машина! При мне осматривал ее приезжий комбайнер. Заглянул в кабину и ахнул. Да тут, говорит, поудобнее, чем в председательском кабинете. Обрадуются земляки, когда получат «Ниву». Вот и стараемся. Наша бригада собирает шкивы для ходовой части. Ответственный узел. А большинство ребят в бригаде — новички. Но поглядите, как трудятся. Вон Саша Круглик из Белоруссии — прирожденный талант... А Миша Злотник, а Светлана Персианова...

Посланцы комсомола здесь по праву становятся лучшими среди лучших.

Надя Агаркова приехала на стройку из Волгограда. Работала штамповщицей. Теперь ее знают как одну из лучших в бригаде стропальщиц. За примерный труд комсомольцы, приехавшие на «Ростсельмаш» из легендарного города на Волге, избрали Надю комиссаром Волгоградского отряда.

Всеобщим уважением в раскройном цехе № 1 пользуется комсомолка из Кабардино-Балкарии крановщица Тамара Коломеец. Отлично трудится девушка из Удмуртии — Нина Максимова.

Молодежь бережно хранит традиции ветеранов, любит слушать их рассказы.

Старый коммунист Александр Антонович Кудлаенко говорит:

— Помню, в тридцатом году мы осваивали токарные автоматы, купленные за границей. В технике были еще слабоваты. В цехах тогда у нас работали и иностранные специалисты. Их услуги наше государство оплачивало валютой. И мы старались побыстрее сами овладеть новейшей техникой. А теперь комбайны «Ростсельмаша» уверенно проложили себе путь во многие страны мира. Наши мастера, специалисты ездят в Бельгию, Францию, в Иран, в другие страны, обучают иностранных фермеров умению пользоваться нашими комбайнами!

Конечно, новая машина рождается не просто. Много больших и малых проблем приходится решать сегодня творцам «Нив». И одна из главных — это качество, долговечность машины. Близко к сердцу принял заводской коллектив призыв ЦК КПСС: «...Дать продукции больше, лучшего качества, с меньшими затратами». На «Ростсельмаше» родилась новая форма борьбы за надежность и долговечность комбайнов «Нива» — здесь создан общезаводской рабочий патруль качества и бережливости. Среди несущих патруль — сотни рабочих.

...На «Ростсельмаше» горячие дни напряженной борьбы за наращивание темпов выпуска новых комбайнов. На конвейерах счет времени, как говорится, идет на секунды. Снижается трудоемкость изготовления комбайнов, повышается их качество. Главная сила в трудовом наступлении — рабочая молодежь. Но ведут их ветераны, такие, как почетный гражданин города Ростова строгальщик Петр Кондратьевич Колесников, коммунист, сам строивший завод, отдавший «Ростсельмашу» сорок пять лет жизни. В апреле Петр Кондратьевич завершил свой личный пятилетний план.

Обгоняющие время! На «Ростсельмаше» их много. Герои Социалистического Труда, коммунисты, мастер Нина Сергеевна Дробышева, старший мастер Дмитрий Васильевич Ефимов, работница третьего механосборочного цеха Мария Ефимовна Новикова: она выполнила

Вот они, новые степные корабли.

ЕНИЕ

девятую пятилетку за два года и восемь месяцев, взяла встречный план и обязалась десятую пятилетку выполнить к январю 1976 года. Таковы они, строители «Нивы». Уже более семи тысяч ростсельмашевцев, последовав примеру Марии Новиковой, решили досрочно завершить девятую пятилетку!

...В донскую степь, рано освободившуюся нынче от снежного покрова, пришла весна, пришла пора весеннего сева.

— Борьба за урожай,— говорят ростсельмашевцы,— начинается в наших цехах.

Справедливые слова.

Более одного миллиона трехсот тысяч комбайнов дал «Ростсельмаш» за годы своего существования. Теперь из заводских ворот выходит «Нива». Ее мощность в полтора раза превосходит мощность «СК-4».

...На огромной площади стоят красные «Нивы». Весь заводской двор стал алым. Перед глазами два цвета — голубое небо и алая земля.

Каждый день из ворот ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени завода «Ростсельмаш» выходят составы с красными «Нивами». Они идут к хлеборобам во все концы Родины.

С двух конвейеров уже сошло двадцать тысяч новых машин. Каждый день по сто восемьдесят — сто девяносто комбайнов. Недавно был взят первый из намеченных рубежей: с конвейеров сошло двести два комбайна.

Фото А. Кулешова.

Заместитель главного конструктора «Ростсельмаша» И. Войтов, председатель колхоза «Тарвасту» А. Алмерс и Эльмине Отсман.

Фото Э. Велисте.

КАНДИДАТЫ НЕРУШИМОГО БЛОКА

ВЕСНА ЭЛЬМИНЕ ОТСМАН

Весна этого года у моей давней приятельницы — комбайнера эстонского колхоза «Тарвасту» — богата событиями как никогда.

Недавно ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР. Надо знать Эльмине, ее отношение ко всему, что происходит в жизни страны, ее глубочайшую заинтересованность в каждом решении партии, Советского правительства, в выполнении наших планов хозяйственного и социального развития, чтобы оценить ее теперешнее состояние.

На поздравления она отвечает:

— Я счастлива, конечно, как может быть счастлив человек, которому выпало такое доверие народа. Я уже не первый раз участвую в парламентской деятельности и республики и СССР. С годами все глубже понимаю свою ответственность за все. Это — большое счастье, но и трудное счастье.

Каждый день этой весны для Эльмине Отсман ярок и красив. Такой уж она человек: все время что-нибудь начинает, в чем-то участвует, чего-то добивается. Жизнь вокруг нее кружится водоворотом, и в этот водоворот вовлечено много людей. Три весны подряд Герой Социалистического Труда, комбайнер Эльмине Отсман говорила мне: «Мечтаю поработать на новом комбайне «Нива».

Надо сказать, что еще раньше она мечтала работать на «СК-4», на «Сибиряке» и эти мечты сбывались. А вот по поводу «Нивы» она почему-то волновалась, скорее всего в ней говорило то особого рода нетерпение, которое бывает, наверное, у летчиков-испытателей: скорее испытать самому.

У Эльмине слово «мечтать» связано со словом «действовать». И, рассказывая о «Ниве», Эльмине добавляет: «Я на «Ростсельмаш» уже письмо написала».

Письмо попало к заместителю главного конструктора «Ростсельмаша» Ивану Гавриловичу Войтову, и, надо думать, написано оно было со свойственной Эльмине убедительностью, если эти два человека отлично поняли друг друга.

— Нынешняя весна у меня началась в январе,— рассказывает Эльмине,— когда вдруг пришло от Ивана Гавриловича Войтова приглашение приехать в Ростов, на «Ростсельмаш», для участия в научно-технической конференции. Еду, конечно. Знакомлюсь с главным конструктором Ханааном Ильичом Изаксоном. Выступаю на конференции. В свободное время с удовольствием гуляла по Ростову, но большую часть времени провела на «Ростсельмаше». Я ничего подобного нигде не видела. Это только представить себе надо: более тридцати тысяч рабочих!

А в предверии марта, когда мужчины выбирают женщинам подарки, ростсельмашевцы взяли из 370 предназначенных для Эстонии комбайнов один — номер «000 164» — и начали готовить его в подарок моей приятельнице. Они опустили ступеньки пониже — Эльмине как-то сказала мимоходом, что женщине трудновато влезать на высокие ступени. Затем покрасили комбайн ярко-оранжевой краской и написали на нем: Э. П. Отсман от коллектива завода «Ростсельмаш»,— после чего отправили его в Эстонию, в Вильяндиский район, в колхоз «Тарвасту». Первого марта комбайн прибыл на станцию Тарту. Эльмине сама приехала туда за подарком. От Тарту до колхоза она вела комбайн. Привела четвертого марта. К этому времени и Иван Гаврилович Войтов приехал в колхоз «Тарвасту» и торжественно, под звуки оркестра, передал Эльмине долгожданную «Ниву».

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

ВЕЧНО МОЛОДАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ф. Г. КРОТОВ,
директор Центрального Музея революции СССР,
кандидат исторических наук

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

9 мая 1924 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР под председательством Михаила Ивановича Калинина принял постановление о создании нашего музея.

9 мая. Невольно приходит мысль о символике совпадений. 9 Мая — это ведь День Победы. Революция и Победа — строгие понятия, слитые воедино, ибо без одного не было бы другого.

Пульс революции бьется в каждодневных свершениях нашей нынешней жизни. Именно поэтому ни одна реликвия Музея революции никогда не покроется пылью забвения, а будет всегда живой памятью народной, памятью о пережитом и преодоленном.

Хочу привести красноречивые записи из книги отзывов.

«Музей революции — это школа, в которой всякий посетитель набирается ненависти к низвергнутому эксплуататорскому обществу в России и получает много энергии для осуществления победы пролетарской революции во всем мире...»

«Мы первый раз пришли в этот музей и многое узнали о прошлом нашей Родины. Узнали о том, как создавалась Советская власть, в каких тяжелых условиях боролись наши отцы за свободную и счастливую жизнь...»

Творцы революции прошли через тюрьмы и каторги царской России. Сотни книг, фильмов, пьес рассказывают об их трудном и героическом пути — каждое из произведений своим языком. Язык музея в некоторых случаях бывает несравненно более убедителен. Когда посетитель в одном зале видит первое издание ленинской книги «Развитие капитализма в России» и фотографию, изображающую рабочих московской текстильной фабрики «Эмиль Циндель», а в другом — корабль «Восток-1» и шинель Юрия Гагарина, он, посетитель, почти физически ощущает течение времени, перед ним опосредствованно раскрывается все величие подвига, свершенного советским народом под руководством партии.

Вот пожелтевшие страницы первых большевистских газет и листовок. Сколько нужно было самоотверженности, упорства и смелости, чтобы в условиях подполья доносить до народа суровое слово правды!

Хотя бы один пример...

На московской улице Лесной, в доме № 55 находится один из наших филиалов (сейчас он ремонтируется). Тут четко понимаешь, почему люди считают музей школой революционного опыта.

Живущие поблизости уже давно не удивляются необычной для советских улиц вывеске на доме № 55: «Оптовая торговля кавказскими фруктами Каландадзе». Приезжего она может сбить с толку...

Открыв дверь, посетитель услышит переливчатый звон колокольчика. Войдя, увидит лари с «кавказскими фруктами» — черносливом, изюмом, сабзой, орехами. И прилавок и конторку с бухгалтерской книгой.

Затем спустится по крутой лестнице в подвал, из подвала — в глубокий колодец, а дальше по горизонтальному полутораметровому лазу проникнет в крохотную комнатушку — вот он и в типографии.

История ее создания стоит того, чтобы о ней узнали нынешние читатели...

III съезд Российской социал-демократической рабочей партии вынес постановление об издании газеты «Рабочий», и Ленин, чтобы не перегружать напряженно работавшие ранее созданные подпольные типографии, решил организовать еще одну, новую, в Москве. Поручили это дело члену ЦК РСДРП Л. Б. Красину.

Организаторы действовали дерзко, но с психологической точки зрения очень тонко. Начать хотя бы с выбора помещения, который выглядит довольно странно. В самом деле, напротив дома № 55 (раньше он значился под № 62) жил пристав, и около его квартиры всегда торчал дежурный городовой. Чуть дальше помещался батальон конвойной команды, обслуживавшей Бутырскую тюрьму.

Расчет строился на том, что у себя под носом царская охранка подпольщиков искать не будет, и расчет этот полностью оправдался.

Снял помещение под «магазин» Мариан Каландадзе, портовый грузчик, который приехал в Москву со свидетельством о благонадежности, и власти дали ему разрешение открыть «Оптовую торговлю кавказскими фруктами». Оформив документы, сам Каландадзе вернулся домой, а «торговлю» передоверил большевику С. Кобидзе, который и расположился в снятой квартире вместе со своей женой. Зажили они на широкую ногу. Была у них и «прислуга» — сначала М. Ф. Икрянистова, а потом Е. С. Денисова, обе ткачихи из Иваново-Вознесенска, обе члены партии. Из Баку в Москву приехали опытные наборщики и печатники, и в подвале дома № 55 закипела работа. Сначала прорыли из колодца, служившего для стока подпочвенной воды, лаз в полтора метра длиной и в полметра высотой. Затем вырыли комнатку для наборных касс и печатной машины.

Легко говорится, но можно себе представить, каково приходилось подпольщикам. Достаточно узнать хотя бы то, что в помещении типографии можно было работать лишь при свете стеариновой свечи. Керосиновая же лампа от недостатка кислорода гасла. Чем же дышали люди?

Как бы там ни было, а вскоре в свет вышел первый номер газеты «Рабочий»...

Но вернемся в уютные залы здания на улице Горького.

За полвека своего существования музей превратился из небольшой выставки в крупный научно-пропагандистский и методический центр.

Все мы, его сегодняшние работники, с великой благодарностью вспоминаем людей, помогавших собирать и копить бесценные реликвии,— Н. К. Крупскую, М. И. Ульянову, А. И. Ульянову-Елизарову, А. В. Луначарского, Г. М. Кржижановского, Ем. Ярославского и многих других видных деятелей партии. Мы не можем не отдать должного стойкому ленинцу Г. И. Петровскому, почти двадцать лет проработавшему в музее...

В прошлом году у нас побывала 821 тысяча посетителей — в среднем получается по 2 600 человек в день. Это создает у работников музея прекрасное чувство важности своего дела, нужности людям.

Да, теперь мы можем с гордостью утверждать, что музей наш стал признанным научно-исследовательским институтом. Мы держим постоянную живую связь с музеями Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Кубы, Монгольской Народной Республики, Польши, Румынии, Чехословакии. Мы постоянно получаем просьбы организовать различные тематические выставки от самых разных стран, и отнюдь не только от братских, социалистических. Это свидетельствует о росте за рубежом интереса к нашей великой державе.

Мы с большим удовлетворением сознаем, что можем на высоком научном уровне удовлетворить любое требование, так как фонды музея поистине неисчерпаемы. В самом деле, вот несколько цифр, дающих понятие о наших возможностях. Документальный фонд хранит почти 500 тысяч экспонатов, вещественный — 200 тысяч единиц, фотофонд — 120 тысяч негативов. Одних только боевых и революционных знамен — 1 500. Есть у нас богатейшие коллекции орденов, медалей, почтовых марок, денежных знаков... Всего не перечислишь. И к тому же каждый год фонды наши увеличиваются на 15—25 тысяч единиц хранения. А ведь у нас еще есть великолепный филиал — Музей Великой Октябрьской революции в Ленинграде.

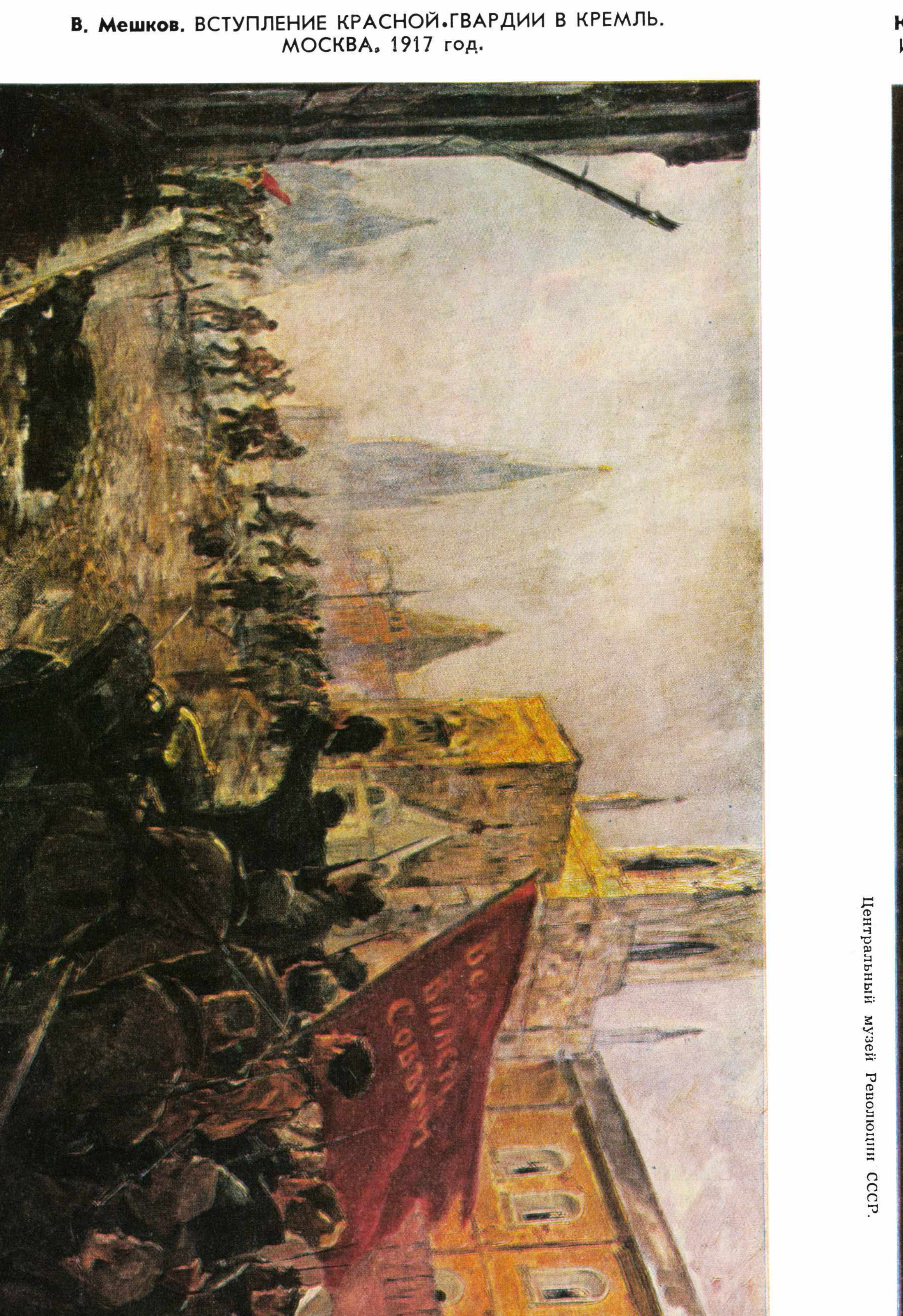
За последние годы заметно расширилась издательская деятельность музея. Таким образом, вводятся в научный оборот материалы фондов, результаты исследовательской деятельности нашего коллектива.

Конечно, местоположение музея очень удобно. Однако нам становится тесно, и потому вынесено постановление о строительстве нового здания, предназначенного специально для музея. Там, в новых светлых стенах, по-новому заживут бессмертные реликвии революции — знамя ЦИК СССР и орден Красного Знамени № 1, которым был награжден прославленный полководец В. К. Блюхер; первый трактор СТЗ, подаренный рабочими XVI съезду партии, и палатка механизаторов целинного совхоза «Ярославский»; агрегаты с первой атомной электростанции Академии наук СССР.

Картины, которые читатель видит на цветных вкладках, составляют лишь небольшую часть обширного фонда художественных памятников музея, среди которых есть работы И. Е. Репина, В. А. Серова, К. А. Савицкого, Б. М. Кустодиева, И. В. Иванова, С. А. Коровина и множества других мастеров, советских и зарубежных...

У работников музеев существует термин «вещевые памятники». В наших экспозициях и запасниках таких сотни тысяч. Но если рассуждать шире, то экспонатами следует считать и Братскую ГЭС, и оставленные на Луне советские вымпелы, и атомный ледокол «Ленин», и нефтепровод «Дружба». Наш фонд необозрим, как необозрима советская земля. И он никогда не устареет, он будет вечно молод, как вечно молода породившая его революция.

В. Мешков. ВСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В КРЕМЛЬ. МОСКВА, 1917 год.

Ю. Виноградов. ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. ПЕТРОГРАД. 1917 год.

Центральный музей Революции СССР.

Н. Касаткин.

ШАХТЕР-ЗАРУБЩИК «ЛУКА ХРОМОЙ». Этюд к картине «Углекопы. Смена». 1895.

Центральный музей Революции СССР.

8 МАЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК ГДР — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ ОТ ФАШИЗМА

ПЛАТЬЕ ДЛЯ «АЛЕНКИ»

На столичный комбинат «Рот Фронт» меня привела газетная заметка. В ней говорилось, что в гости к московским кондитерам приехали немецкие друзья. Ничего необычного: сотни таких делегаций пересекают ежегодно границу в том и другом направлении.

Многие, конечно, знают и с удовольствием покупают «Аленку» — шоколад в красивой обертке. Но едва ли им известно, что к его рождению прямо причастны специалисты из ГДР. Самые трудоемкие операции в производстве шоколада — приготовление какаомассы и упаковка готовых плиток — совершаются автоматами, сделанными на машиностроительном объединении «Нагема» в Дрездене. А гордость кондитеров — карамель «Птичье молоко», получившая государственный Знак качества? Дегустационная комиссия, которая дает эту оценку, бывает особенно придирчива к вкусовым свойствам и внешнему виду изделия, а они во многом зависят от качества приготовления смеси и аккуратности завертки. Заняты на этих операциях тоже машины из ГДР.

Александра Ивановна Фирсова, старейшая работница комбината, помнит время, когда карамели заворачивали вручную. Самой проворной из мастериц удавалось «одеть» за смену двести килограммов сладкой продукции. Но какого это стоило труда! Сейчас миниатюрные конусообразные кулачки — главная часть заверточной машины — ловко подхватывают карамельку и быстро-быстро — по 350 штук в минуту — облекают ее в яркую обертку, которая непрерывной лентой подается с барабана. 250 тонн продукции дает комбинат в сутки. Без умных машин с маркой «Нагема» цифра была бы просто нереальной.

Что же такое «Нагема»?

— Это 50 предприятий, производящих оборудование для пищевой промышленности,— рассказал мне Лотар Хайденрайх, руководитель партийной организации объединения «Нагема».— Когда-то это были мелкие мастерские на окраине Дрездена, а сейчас — крупное современное производство. Теперешний его размах — результат интеграции, происходящей в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Наше объединение — одно из немногих подобного профиля в странах СЭВ, и, чтобы быстрее удовлетворить растущий спрос, выгоднее расширить уже действующие предприятия, чем строить новые. 60 процентов продукции «Нагемы» идет в Советский Союз. «Рот Фронт» — наш постоянный заказчик. Среди машин для кондитерской промышленности, выпускаемых «Нагемой», нет такой, которая не была бы представлена в его цехах.

...Недавно на московских прилавках появилась карамель в нарядных целлофановых пакетах. Называется она «Мечта». Это первая продукция новой автоматической линии, проходившей испытания на комбинате. Трудно сказать, насколько символично это название, но о такой линии ротфронтовцы мечтали давно. С ее внедрением производство полностью автоматизируется: в одном конце цеха сверху подается сладкая тягучая масса, а в другом с транспортера снимают готовые к отправке в магазин коробки карамели, расфасованной в 100-граммовые пакеты. После того как в конструкцию линии-автомата внесут дополнения, предложенные ротфронтовцами в ходе испытаний, начнется ее серийный выпуск. Для этого на «Нагеме» при участии стран — членов СЭВ строится новый большой цех.

«Нагема» и «Рот Фронт» — это не просто поставщик и потребитель, а коллективы, спаянные общей задачей, которую поставили съезды двух братских партий: лучше удовлетворить растущие потребности народа. Это союз сердец, спаянных крепкой дружбой. Истоки ее не только в многолетнем деловом партнерстве. Они ведут дальше, к тем памятным дням, когда на фабрике «Моссельпром-7» в первый раз принимали немецких гостей — рабочую делегацию во главе с Эрнстом Тельманом. Было это в конце двадцатых годов. Тогда на торжественном митинге кондитеры решили: пусть фабрика называется «Рот Фронт»! Пусть звучат эти слова призывом к солидарности с немецким пролетариатом!

Не одно поколение сменилось с тех пор. Теперь уже огромный комбинат носит гордое имя. Традиция, заложенная в те дни, живет в сегодняшних делах двух предприятий — дрезденского объединения «Нагема» и московского комбината «Рот Фронт».

Б. ЛАБУТИН

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

В ТЕ МАЙСКИЕ ДНИ

Чехословацкий народ отмечает 29-ю годовщину освобождения от фашистских захватчиков. Это праздник и всех тех, кто плечом к плечу с чехами и словаками сражался за мир и счастье на этой земле. Сегодня мы публикуем письмо бывшей медсестры, прошедшей дорогами войны от Сталинграда до Праги.

День Победы. Вряд ли кто может забыть это утро, которого с надеждой и отчаянием ждали миллионы людей разных наций.

Наш госпиталь находился тогда под одним из немецких городов. В комнатке барака, где жил медицинский персонал, в ночь на 9 мая я была одна. Подруги дежурили. Проснулась на рассвете от беспорядочной стрельбы и каких-то непонятных выкриков. Дверь комнатушки сотрясалась от ударов. Первой мыслью было: «Фашисты!» Дверь с треском распахнулась, вбежал наш старшина. Он схватил меня в охапку и потащил на кухню. Все это произошло в считанные секунды, и я только успела подумать, что старшина спасает меня. Потом подружки мои хохотали до слез, упрашивая вновь и вновь рассказать, как бравый Валька-одессит бегал со мной вокруг кухонных котлов и вопил вне себя от радости: «Война кончилась!»

Уже после обеда в первый мирный день из ворот госпиталя вышла открытая грузовая машина и помчалась по пустынному шоссе к Берлину: ехали желающие взглянуть на поверженный Берлин.

...Вот он, этот город. Зияющие провалы окон и дверей, провисшие лестничные пролеты и целые этажи, затопленное метро и полное безлюдье — все это вызывало не радость, а тоску. Перед глазами вставали наши разрушенные города и сожженные села.

Рейхстаг выглядел жалким. Почерневшие деревья, засыпанные мусором остатки обрушенного здания, на стенах которого воины оставляли свои автографы. Это было их право за все муки на пути сюда...

Дня через два мы, три девчонки-медсестры, ехали уже в Чехословакию. Госпиталь вслед за армией ушел к Праге, и нам предстояло его найти.

Первой, кто повстречался нам по пути с вокзала, была женщина лет тридцати с узелком в руке. Она подошла к нам, посмотрела на выгоревшие гимнастерки, кирзовые сапоги, вещмешки за плечами и поздоровалась, словно со старыми знакомыми. Развернула узелок (оказалось, она несла обед мужу-железнодорожнику) и пригласила нас поесть. Мы плохо понимали ее и только растерянно улыбались. Вокруг собралась толпа. Каждый стремился пожать нам руку, о чем-то спросить. Услышав адрес госпиталя, пражане закивали, заулыбались и повели нас к электричке, а некоторые сели в вагон и провожали нас до конца.

Прошло почти три десятка лет, но я не могу забыть, как эти люди, бросив все свои дела, сопровождали трех советских девушек, стремясь хоть чем-то отблагодарить в нашем лице армию, освободившую их, спасшую их город и жизнь. Мы для них были представителями народа, который принял на себя главный удар фашизма, угрожавшего всей планете, и отразил его.

В Праге наш госпиталь отдыхал — впервые после долгих лет недосыпаний и бессменных дежурств. Можно было ехать в цирк или купаться в реке, смотреть фильм или просто бродить по Праге. Пестрое людское половодье, синее-пресинее доброе небо, обилие зелени и цветов наполняли счастьем наши сердца.

Шли недели, и приветливые хозяева продолжали оказывать советским гостям такое же внимание, как в первые дни.

Месяц отдыха пролетел мгновенно. Госпиталь переехал в небольшой городок Собеслав и развернул работу всех своих отделений. Сотни измученных, истощенных, чудом спасшихся от смерти в фашистском плену людей нуждались в лечении и восстановлении сил. Местные жители предоставили нам помещения для больных, приняли обслуживающий персонал в свои дома.

Мне и моей подруге Шуре Поповой одинокая вдова уступила небольшую уютную комнатку, объяснив, что это комната ее единственного сына, который учится в Праге на врача. От улыбки этой женщины веяло чем-то родным. Она редко навещала нас, стараясь не мешать отдыхать после дежурств, но, если мы о чем-то просили, делала все, чтобы помочь.

Когда я уезжала домой, получив приказ о демобилизации, женщина, у которой мы снимали комнату, отдала мне свои карточки, чтобы в Праге я получила на них продукты в дорогу. Никакие мои уговоры взять карточки обратно не помогли. Эту женщину и ее добрую улыбку я запомнила на всю жизнь.

А. НИКИТИНА

г. Энгельс.

КОМАНДАРМ ЛЕСЕЛИДЗЕ

В 1971 году, выступая на торжественном заседании ЦК Компартии Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР, посвященном 50-летию Грузинской ССР и Компартии Грузии, Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал:

— Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев — командующим 18-й армией генерал-полковником К. Н. Леселидзе. На фронте люди раскрываются быстро, там сразу узнаешь, кто чего стоит. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца.

В Грузии чтут память генерала К. Н. Леселидзе. Его именем назван большой поселок на берегу Черного моря, построена школа-интернат имени Леселидзе. О генерале Леселидзе выходит книга, автором которой является бывший фронтовик, заслуженный журналист Грузинской ССР Михаил Давиташвили. Предлагаем отрывок из этой книги.

ОНИ ГОТОВИЛИ ПРОРЫВ

Советская Армия 9 октября 1943 года очистила от врага Таманский полуостров. Впереди был Крым. 18-й армии надлежало захватить плацдарм в двадцати километрах к югу от Керчи, в окрестностях поселка Эльтиген. Этой операции предшествовала сложная и напряженная подготовка. Вместе с представителями штаба Северо-Кавказского фронта ею руководил командующий 18-й армией генерал-полковник Константин Николаевич Леселидзе.

Первой в 18-й армии форсировать пролив должна была 318-я стрелковая дивизия, отличившаяся в боях за Новороссийск. Леселидзе вызвал командира дивизии полковника Василия Гладкова и ознакомил его с замыслом операции.

В дни учений во всех соединениях армии часто бывал командующий фронтом генерал армии И. Е. Петров, а вскоре в армию прибыл представитель Ставки Верховного главнокомандования Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

В тот же день маршал Тимошенко провел совещание, на котором присутствовали генералы И. Е. Петров, К. Н. Леселидзе, С. Е. Колонин, представитель флота вице-адмирал Л. А. Владимирский и начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. Говоря о задачах десантной операции, маршал подчеркнул, что успех десанта 318-й дивизии предопределит освобождение Крыма.

С Леонидом Ильичом Брежневым генерала К. Н. Леселидзе связывала давняя дружба. К. Н. Леселидзе и Л. И. Брежнев вместе со своими солдатами штурмовали Новороссийск, дрались с гитлеровцами на исхлестанной вражеским огнем «Малой земле». Воодушевленные их примером, насмерть стояли на своих рубежах бойцы, сражавшиеся с фашистской нечистью у стен Новороссийска.

Л. И. Брежнев и К. Н. Леселидзе сразу прониклись друг к другу симпатией. Л. И. Брежнев был душой армии, все время находился среди солдат и офицеров. Его любили, его слову верили. Леонид Ильич умел убедительно и спокойно объяснить солдату все, что того интересовало. Как никто другой, он умел подобрать бойца, поддержать его, окрылить верой в победу...

Командарм К. Н. Леселидзе.

Перед началом операции командарм и начальник политотдела осведомились у комдива В. Ф. Гладкова о настроении десантников.

— Настроение хорошее,— ответил Гладков.

— Как бы шторм не помешал,— озабоченно заметил Леселидзе.

— Лишь бы добраться до того берега, товарищ командарм, а там уже за нами дело не станет,— заверил его командир дивизии.

...Леселидзе и Брежнев направились в подразделения. Леонид Ильич обратил внимание на примостившегося где-то в стороне солдата, почти мальчонку. Он грустно смотрел на бушующее море, о чем-то думал.

— Замечтался? — спросил его Леонид Ильич.— Или моря испугался? Может, не умеешь плавать?

— Плавать умею. Терек переплывал, но тут совсем другое. Большая вода!

— Вот этого-то как раз и не надо бояться. Рядом с тобой будут опытные бойцы. Знаешь, что значит плечо друга? Это сильнее всего на свете. Наши солдаты — настоящие богатыри. В Новороссийске я собственными глазами видел, как перед этими чудо-богатырями отступало море. И здесь будет то же самое. Понятно?

— Понятно... Я-то постараюсь, но не знаю, смогу ли? Я ведь еще не воевал.

— Мы все когда-то впервые вступали в бой,— сказал Брежнев.

— Вы тоже тогда волновались?

— Да, я тоже,— улыбнулся Брежнев.

— Спасибо,— тихо сказал солдат.— Вот побеседовал с вами и как-то легче стало на сердце.

И солдат Петя Горкин вытянулся, словно сразу вырос.

— Желаю победы! — И Брежнев горячо пожал ему руку.

* * *

...И вот настал долгожданный час. Прозвучала команда: «Полный вперед!» Корабли десанта двинулись к Крыму. Это было в ночь на 1 ноября 1943 года. Очень скоро фашистские прожекторы нащупали наши транспорты. На них обрушился вражеский огонь, но тут же десантники выпустили красные ракеты — сигнал к открытию заградительного огня. С берегов Тамани раздались залпы артиллерийских орудий. На помощь находившимся в бушующем море судам, баржам, катерам поднялась авиация.

Наконец первые суда у берега!

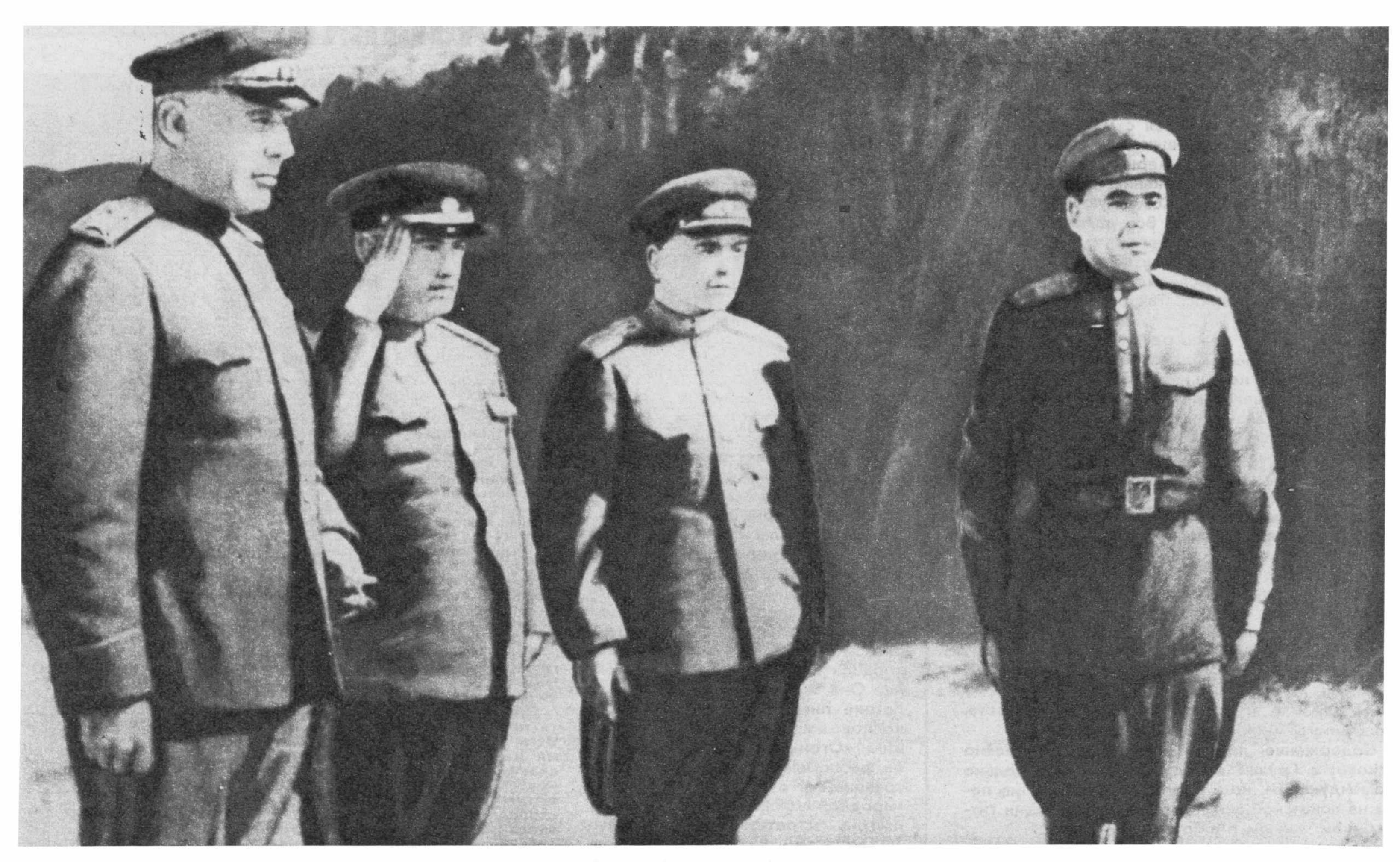
318-я стрелковая дивизия 18-й армии героически сражалась в районе Эльтигена.

НА УКРАИНЕ

На Правобережной Украине осенью 1943 года сложилась напряженная обстановка. Фашистское командование сосредоточило на этом участке отборные танковые и пехотные дивизии. Их перебросили из Германии и с других участков советско-германского фронта. Немцы стремились приостановить дальнейшее наступление советских войск и вновь захватить Киев.

Ноябрь проходил в ожесточенных боях. Именно в этих сложных условиях вступили в бой переброшенные с целью усиления фронта 18-я армия под командованием Леселидзе и 1-я танковая армия под командованием М. Е. Катукова, а также 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса. Усилению 1-го Украинского фронта этими соединениями советское Верховное главнокомандование придавало большое значение.

«С подходом Леселидзе, Катукова и других сил,— говорилось в директиве Ставки,— обязательно нужно заняться организацией наше-

Командующий 18-й армией генерал-полковник К. Н. Леселидзе принимает рапорт командира соединения. Справа налево: Л. И. Брежнев, С. Е. Колонин, К. Н. Леселидзе и С. К. Тимошенко. 1943 год.

го контрнаступления с задачей разгрома сил противника и выхода на Южный Буг. Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом».

Сразу же по прибытии в район Киева 18-я армия вступила в бой. Ожесточенные бои в обороне, а потом — мощный контрудар, и враг покатился на запад. Сухие, морозные дни неожиданно сменились оттепелью, пошли дожди. Дороги раскисли, снег в полях начал таять. Развивать наступление в таких условиях было трудно. Но солдаты Леселидзе, как и воины других соединений 1-го Украинского фронта, были готовы преодолеть любые трудности.

...Разрабатывался план Житомирско-Бердичевской наступательной операции. Командиры частей и соединений, начальники штабов отрабатывали каждую деталь будущих сражений.

И вот настало утро 24 декабря 1943 года. На рассвете по всему фронту загрохотали орудия. Это было началом мощного общего наступления. После артподготовки и бомбовых ударов с воздуха вперед двинулись танки и пехота.

К полудню части генерала Леселидзе совместно с другими армиями фронта прорвали первую линию немецкой обороны и освободили несколько крупных населенных пунктов. На следующий день бои приняли еще более напряженный характер. Пехотинцы в тесном взаимодействии с танковыми и артиллерийскими частями продолжали громить укрепленные позиции противника и успешно продвигались вперед. Несмотря на яростное сопротивление, наши части расширяли и углубляли прорыв.

В дни боев за освобождение Житомира генерал К. Н. Леселидзе, член Военного совета армии генерал С. Е. Колонин, начальник политотдела Л. И. Брежнев круглые сутки находились на передовой. 31 декабря 1943 года Житомир был взят войсками 1-й гвардейской и 18-й армий.

В тот же день, 31 декабря, подразделения армии Леселидзе, действовавшие южнее Житомира, изгнали гитлеровцев из важных опорных пунктов. Командарм приказал своим солдатам без отдыха преследовать врага. Вечером передовые части ворвались в районный центр Погребище.

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ

Новогодняя ночь в штабе Леселидзе прошла в разработке операции по взятию Бердичева. Лишь перед рассветом командарм выкроил время, чтобы написать письмо домой и поздравить жену, детей и родителей с новым, 1944 годом.

Потеряв Житомир, немцы поспешно перебросили к Бердичеву отборные танковые части, в том числе небезызвестную дивизию СС «Адольф Гитлер». Но ничто не могло остановить наступательного порыва советских воинов. Яростный бой продолжался пять суток.

Если бои под Москвой и на Кавказе стали для Леселидзе важной ступенью его боевого совершенствования, то штурм Новороссийска, захват Таманского плацдарма, прорыв в Крым и бои на Украине явились свидетельством всестороннего расцвета военного таланта генерала.

В те дни Леселидзе стала беспокоить поврежденная еще до войны нога. Но, несмотря на острые боли, Константин Николаевич оставался, как всегда, энергичным, проводил холодные январские ночи в блиндажах, на командных и наблюдательных пунктах. Постель ему заменяла бурка, подушку — башлык.

5 января части армии Леселидзе и соединения 74-го стрелкового корпуса 38-й армии, а также 44-я гвардейская танковая бригада 1-й гвардейской танковой армии после пятидневных ожесточенных боев ворвались в Бердичев — мощный опорный пункт обороны гитлеровцев. Леселидзе находился в авангарде, непрерывно штурмовавшем город.

А состояние его здоровья с каждым днем ухудшалось. Еще во время боев за освобождение Бердичева Леселидзе заметно исхудал, с трудом волочил ногу.

Вскоре к старым болезням прибавилась новая: сильно простудился. К командарму приехали хирург Тамара Готуа и начальник госпиталя Лев Садецкий. Леселидзе встретил врачей очень радушно. Тамара Готуа знала Константина Николаевича еще по боям на «Малой земле». Она сразу поняла, что командующий не просто переутомлен, а очень сильно болен.

— Константин Николаевич,— обратилась она к генералу.— Я обязана напомнить об опасности, которая грозит вашему здоровью. Вам необходимо лечь в постель хотя бы на несколько дней. Да и ногу заодно подлечим...

— В такое время лечь в постель?— возмутился Леселидзе.— Ни за что!

В ту ночь у Леселидзе были гости. Его повар испек хачапури. Адъютант принес грузинское вино. Командарм пригласил к столу членов Военного совета армии и работников штаба. Леселидзе поднял стакан:

— Хоть и с опозданием, но давайте встретим Новый год. Я не сомневаюсь, что этот год будет годом новых побед над гитлеровской Германией. Как и прежде, в нашем боевом строю будут сражаться верные наши помощники — медики. За ваше здоровье, дорогие военные врачи!

Встреча затянулась за полночь. Нога у Леселидзе нестерпимо болела. После долгих уговоров он обещал врачам соблюдать постельный режим и принимать лекарства. Однако утром следующего дня адъютант сообщил хирургу, что Леселидзе вновь на поле боя.

...Стояло морозное январское утро. Перед очередной атакой командующий собирался осмотреть передовые позиции. Врач и адъютант сели с ним в машину и отправились к командно-наблюдательному пункту. Когда подъехали к передовой, генерал вышел из машины и пошел пешком. Весь день он пробыл здесь, несколько раз попадал под огонь.

А болезнь между тем осложнялась. Настал день, когда Леселидзе уже не мог ходить.

Тамара Готуа срочно вызвала Г. С. Инасаридзе, главного хирурга одного из госпиталей 18-й армии. Одновременно прибыли консультанты из Москвы и Киева. Специалисты заключили: тромб закупорил кровеносный сосуд. Состояние больного становилось все хуже. Вдобавок началось воспаление легких. И все же генерал продолжал командовать армией! Все, кто видел его в эти дни, поражались силе воли

командира. Армия продвигалась вперед, и вел ее Леселидзе!

Специалисты потребовали срочно перевести Леселидзе в Москву, но генерал не согласился на это. Он не терял надежды победить болезнь, не мог примириться с мыслью, что не примет участия в завершающих битвах войны!

...Врачи приняли все меры, чтобы снять у больного нервное напряжение. У его постели отключили телефоны. Командующий тяжело переживал такую заботу. Все равно он приказал докладывать ему обо всем, что происходит в армии, вызывал к себе штабных работников, командиров дивизий, следил за картой фронта, отдавал распоряжения... Так он вновь чувствовал себя в строю.

Каждый день и не по одному разу к генералу приходили боевые друзья — Л. И. Брежнев, С. Е. Колонин, начальник штаба армии Н. О. Павловский, начальник артиллерии Кариофили, Зарелуа. Их связывала не только боевая, но и чисто человеческая дружба. Каждая такая встреча приносила командарму радость и облегчение. Он снова преображался, мог без конца говорить о положении на фронте, жадно слушал товарищей, давал советы.

Однажды генерал вызвал к себе полковника Зарелуа.

— Володя, тбилисские друзья советуют мне перейти работать в Закавказье, пишут, что в Тбилиси я буду и лечиться.

— Что ж, неплохая мысль...

— И ты говоришь мне это?!— Нахмурившись, генерал указал на приставленный к кровати стол, где лежала папка.

— Дай мне эту папку! Прочти копию ответа, посланного мною на это предложение.

Содержание письма было приблизительно таково: в Грузии я буду работать не только командующим, но и рядовым солдатом, но пока на советской земле останется хоть один гитлеровец, живым я в Грузию не вернусь.

Об ухудшении состояния здоровья Леселидзе стало известно в Ставке Верховного Главнокомандующего. Поздно ночью дежурный офицер доложил начальнику штаба армии: у аппарата Москва. Сталин интересовался, как чувствует себя командарм Леселидзе. Начальник штаба генерал Павловский ответил:

— Положение, товарищ Сталин, серьезное, но не безнадежное.

— До прибытия кремлевских врачей примите все меры, чтобы здоровье командарма не ухудшалось. Леселидзе нужно быстро поставить на ноги! Считайте это боевым заданием.

— Слушаюсь, товарищ Сталин!

В результате дополнительно принятых мер больному стало лучше, но ненадолго, состояние его здоровья вновь ухудшилось. По распоряжению Верховного Главнокомандующего Леселидзе должны были эвакуировать в Москву.

— Видно, действительно плохи дела мои,— грустно обронил Леселидзе, узнав, что на смену ему прибыл новый командарм — генерал-лейтенант Е. П. Журавлев.

Врачи успокаивали Константина Николаевича, убеждали, что скоро он поправится, что еще немного — и он снова будет воевать.

— Я понимаю, вы не можете говорить иначе,— отвечал на это Леселидзе,— жаль только, что я обессилел в такое время!

Командарму было очень плохо. Решили вызвать его супругу Нину Ивановну. Леонид Ильич Брежнев спросил у Леселидзе:

— Константин Николаевич, может быть, вы хотите, чтобы Нина Ивановна была здесь, вместе с нами?

— Нет, нет, ни в коем случае,— встрепенулся командарм,— там ей за детьми надо присматривать, да и работает она в госпитале: дело ответственное, каждый тыловик на учете...

Его лицо выражало страстную просьбу.

— Дорогой Леонид Ильич, умоляю... Даже не сообщайте ей о моем состоянии!

Леселидзе отправили в Москву.

20 февраля консилиум врачей отметил серьезное ухудшение: ногу нужно было срочно ампутировать. Генералу сказали об этом. Но он наотрез отказался от операции.

— Солдат без ноги — не солдат!

Боевой генерал верил, что вернется в строй, доведет свою армию до Берлина. Но этому не суждено было сбыться. Врага в его логове громили боевые друзья Константина Николаевича, которые с гордостью называли себя — леселидзевцы.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

ДОРОГА К ПОБЕДЕ

Великая Отечественная... История войн не знает примеров, равных ей по размаху, ожесточению, по числу горьких утрат. Война оборвала мирный труд нашего народа, вторглась в жизнь каждой семьи, изменила судьбы миллионов людей... Она стала величайшим испытанием для каждого советского человека.

Потому и поныне незатухающим пламенем живет в наших сердцах память о минувшей войне. Она живет в том огромном потоке писем, что идет со всех концов нашей Родины в редакцию «Огонька». Читатели журнала рассказывают о своих боевых товарищах, о безвестных героях народной войны. Многие просят помочь встретиться с фронтовыми друзьями, разыскать однополчан погибшего мужа или сына, присылают свои воспоминания.

Читая письма участников Великой Отечественной войны, невольно думаешь, что всемогущее время не властно над памятью фронтовиков. Эхом отгремевших боев звучат со страниц писем раскаты великих битв под Москвой и Сталинградом, последние победные залпы над поверженным Берлином.

«Мне довелось быть участником освобождения Севастополя,— пишет Николай Васильевич Чертков из Новосибирска.— Я командовал штурмовой группой 63-го стрелкового корпуса. Утром 7 мая сорок четвертого года нашей группе вручили знамя, которое мы поклялись донести до вершины Сапун-горы. Кто был в Севастополе, тот знает, какие каменистые и крутые склоны у этой горы. По ним в несколько рядов тянулись траншеи гитлеровцев. Полтора часа гремела наша артиллерия, а мы стояли в окопах, смотрели на эту огромную, затянутую дымом гору и ждали... Сапун-гора закрывала нам путь к Севастополю. Весь день мы бились на изрытых склонах, десятки раз поднимались в атаку, отвоевывая у врагов каждый окоп, каждый блиндаж. Мы их все-таки выбили с Сапун-горы, но много и наших бойцов полегло в этот страшно тяжелый день. Трое знаменосцев один за другим были убиты, знамя подхватывали другие и несли вверх, к гребню горы.

Донес знамя на вершину боец Иван Павленко из Киева. Последние метры он, раненный в руку, шел рядом со мной. Я хотел помочь, но он не отдал мне знамя. Рукав у него был весь намокший от крови, он нес древко наперевес, как пику, и только иногда прислонял его к камням, чтобы дать очередь из автомата или швырнуть гранату. Уже после того, как мы укрепили на вершине пробитое пулями полотнище, меня тяжело ранило в обе ноги. И тогда Иван Павленко тащил меня на спине до самого санбата. Не дал мне погибнуть.

Больше я не видел Ивана. После госпиталя попал в другую часть. Жив ли он? Так хотелось бы встретиться!

Редакция «Огонька»! Напечатайте мое письмо, может, прочтет его Иван Павленко, что нес тогда знамя на Сапун-гору, вспомнит наш славный 63-й стрелковый корпус, нашу штурмовую группу и тот памятный день освобождения Севастополя. Пусть напишет мне в Новосибирск, на улицу Свердлова, дом 24».

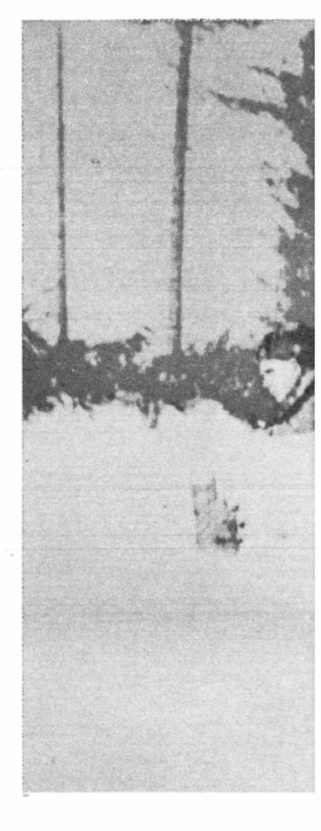
Многие фронтовики прислали в «Огонек» снимки, сделанные на трудных дорогах войны. Много лет хранимые в семейных альбомах, они особенно дороги им как память о военной молодости, о своих боевых друзьях.

«Дорогая редакция! — пишет нам гвардии майор Александр Шарыпов.— Опубликовав в 9-м номере журнала подборку фронтовых снимков, вы сделали очень хорошее и нужное дело. Все бывшие фронтовики будут за это особенно благодарны. Я посылаю Вам единственную фронтовую фотокарточку. Она сделана в январе сорок пятого под Лиепаей за несколько минут до сигнала атаки.

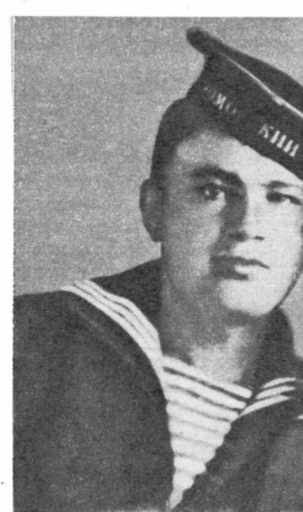
Рядом со мной (в центре, фото № 1) командир минометной роты капитан Черепанов. Перед броском через открытое снежное поле я поставил ему задачу прикрыть наш батальон минометным огнем. Я и не заметил, как нас заснял фотокор, а снимок взял после боя в дивизионной газете.

Фамилии связиста и стрелка батальона, что на снимке лежат на снегу левее, я не помню, но, может быть, и они откликнутся, если опубликуете снимок в журнале. Я с нетерпением буду ждать их писем, так же как и от всех бывших воинов нашего 3-го стрелкового батальона 18-го Краснознаменного гвардейского полка 9-й дивизии. Мой адрес: город Дивногорск, ул. Гидростроителей, 2, кв. 58».

В первые же дни вражеского

1

4

6

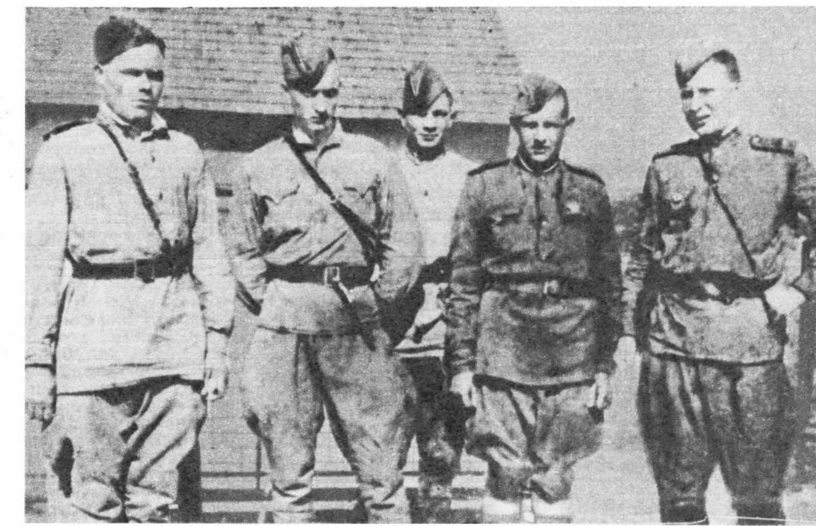

2

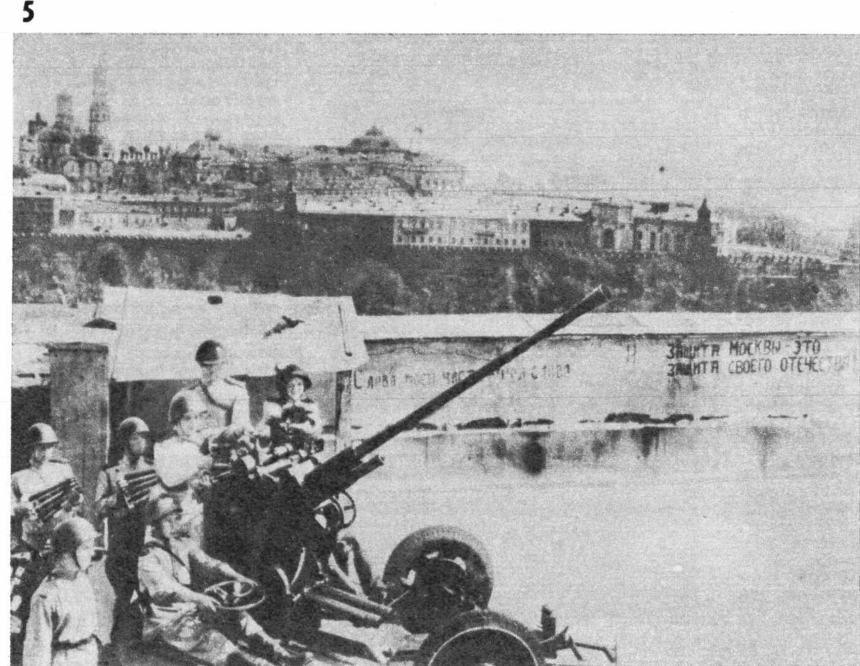

3

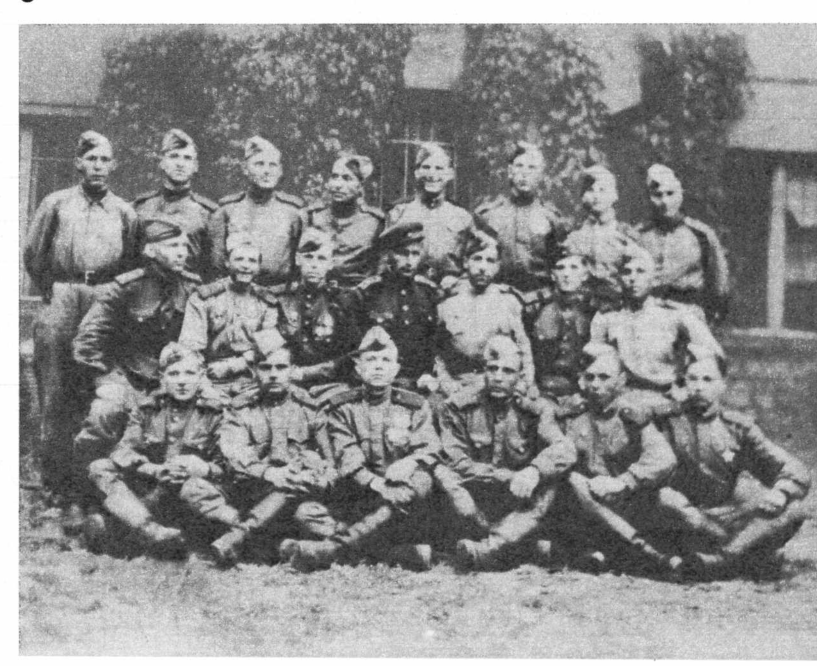
7

5

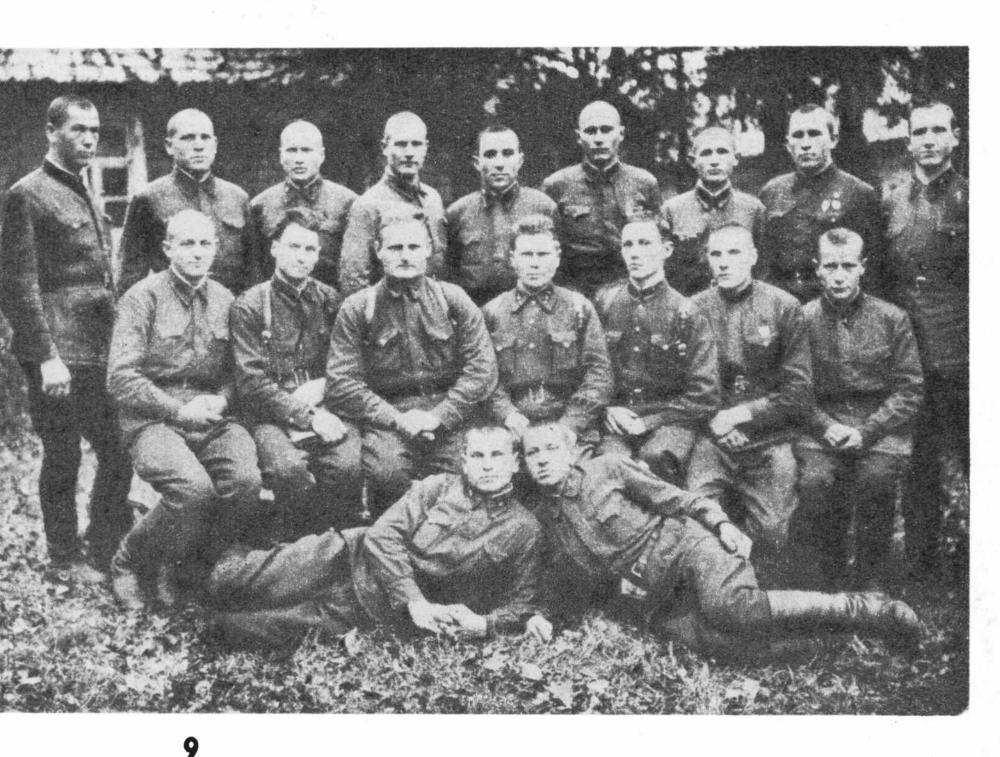

8

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

9

нашествия над страной прозвучали знаменательные слова песни: «Идет война народная, священная война...» Да, Великая Отечественная с первых дней стала народной войной! Как один, поднялись все советские люди на защиту свободы и независимости Отчизны. Вместе с мужчинами уходили на фронт тысячи наших героических женщин, а во многих частях и партизанских отрядах бились с ненавистным врагом подростки. Об одном «сыне полка» рассказывает в письме бывший моряк Черноморского флота Александр Прохорович Букреев.

«В начале войны я служил на линкоре «Парижская коммуна». Моряки линкора сражались и на земле, защищая Одессу и Севастополь. Однажды они привели на корабль мальчика, потерявшего родных и приставшего к разведчикам во время боя. Его звали Сеня, он жил до войны в Одессе. Мы подогнали ему морскую форму, выдали автомат и оставили юнгой на корабле. Это был чудесный, отзывчивый мальчик. Он отлично пел, и часто его голос звучал по корабельной радиосети. В ноябре 1941 года он вместе с добровольцами вступил в 83-ю бригаду морской пехоты. Перед Новым годом бригада форсировала на кораблях Керченский пролив и высадилась на крымской земле. Отряд, в который входил тринадцатилетний Сеня, подошел к берегу у села Камыш-Бурун и был обнаружен противником. Немецкая артиллерия ударила по десанту, в воздухе повисли «юнкерсы»... Приходилось идти к берегу по грудь в ледяной воде, но самое страшное ожидало десантников в следующие дни. Разыгрался шторм, и прекратился подвоз боеприпасов и еды. Каждый час следовали немецкие контратаки. Несколько суток не было даже пресной воды... В этой невероятно трудной обстановке наравне с мужчинами сражался юнга Сеня. Его бушлат и развевающиеся ленты бескозырки всегда виднелись в самых ожесточенных схватках. Герой-юнга получил в бою семнадцать осколочных ранений... Мы встретились с ним в 1942 году в госпитале города Поти и сфотографировались на память.

Слева на снимке (фото № 2) мой фронтовой друг Георгий Козлов из Ленинграда.

После госпиталя нас раскидала военная судьба. Я сражался под Сталинградом и Старой Руссой, а затем в 5-й партизанской бригаде Ленинградской области. Как сложилась судьба Сени, не знаю. Думаю, что найти его поможет журнал «Огонек», опубликовав этот снимок. Хочу добавить, что в 83-й морской бригаде был еще один юнга — Витя Чаленко. Он геройски сражался на «Малой земле» под Новороссийском. Теперь его имя носит школа в Станичке... Мне хочется, чтобы все узнали и о другом юнге — герое Сене. Напишите, кто о нем знает, в город Симферополь, ул. Севастопольская, 32/18, кв. 31. Букрееву А. П.»

А вот письмо группы ветеранов 34-го истребительного авиационного полка.

«Мы защищали небо столицы в составе 6-го авиационного корпуса. Москвичи, наверное, помнят ночь на 23 июля сорок первого года... Тогда свыше двухсот бомбардировщиков врага рвались к Москве. В ту памятную ночь летчики полка сбили 12 фашистских самолетов. Работая над альбомом истории нашей части, мы нашли в архиве полка фотографию вооруженца нашего полка ефрейтора Марии Мелеховой (фото № 3). Это был замечательный фронтовой товарищ! А свою боевую работу она выполняла просто виртуозно. Не было случая, чтобы в бою нас подводили неисправности пулеметов и пушек, которые были проверены и снаряжены Марией. А от этого зависели исход боя и жизнь летчиков. Отважная девушка часто заменяла погибших, участвуя в воздушных боях в качестве стрелка-радиста.

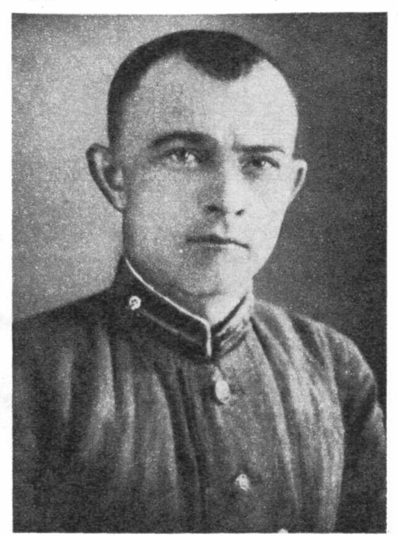
Откликнись, наш боевой друг, откликнитесь и другие ветераны полка! Наш адрес: Москва, М-26, Павловская, 8, Дом офицеров, секция ветеранов Московского округа ПВО».

Читатель «Огонька» Яков Митрофанович Табунченко прислал в журнал две фотографии боевых расчетов зенитного полка, защищавшего важнейшие объекты в центре Москвы. На снимках орудия у Бородинского моста и на крыше Библиотеки имени Ленина (фото № 4 и № 5). В составе расчетов несколько девушек.

10

11

12

Я. М. Табунченко, командовавший в годы войны 63-й зенитно-артиллерийской дивизией, вспоминает, что в грозном сорок втором в войска округа пришло более двадцати тысяч комсомолок-добровольцев. Они бесстрашно сражались с врагом в составе авиационных и зенитных частей. Многие из них были награждены высокими правительственными наградами. Автор письма просит всех ветеранов дивизии прислать свои адреса и воспоминания в Дом офицеров ПВО, г. Москва, Павловская, дом 8.

«Прошу редакцию журнала «Огонек» помочь мне разыскать фронтовых товарищей! — пишет Дмитрий Михайлович Пережогин.— Я участвовал во многих боях, был четыре раза тяжело ранен и знаю, как дорога боевая дружба... Но особенно памятны мне мои товарищи по трагическим боям западнее Ржева в феврале 1942 года...

С 17 февраля наш 1227-й стрелковый полк 369-й дивизии сражался в кольце превосходящих вражеских сил. Кончались патроны, а у нашей полковой батареи остались считанные снаряды. Уж не помню, сколько дней мы были без еды, в котелках разогревали снег и пили мутный кипяток. Но мы не дали гитлеровцам разгромить наш полк. Неся на носилках раненых, мы пошли на прорыв. Мне тяжело сейчас даже вспоминать об этих днях. Только великая фронтовая дружба поддерживала нас и не позволяла пасть духом.

Десять дней мы шли по Ржевским лесам, и тогда, когда у нас не осталось ни одного патрона, а половина бойцов была ранена, увидели наступающие навстречу войска 39-й армии.

Я был ранен и навсегда потерял из вида своих товарищей по полковой батарее. Посылаю вам этот дорогой мне снимок друзей-батарейцев 1227-го стрелкового полка (фото № 6).

Мой адрес: Курганская область, Шатровский р-н, с. Шатрово, ул. Ленина, 120».

Бывший боец 57-й отдельной разведроты 55-й гвардейской Иркутско-Пинской дивизии имени Верховного Совета СССР Петр Леонтьевич Телелюхин прислал в редакцию снимок друзей-разведчиков (фото № 7).

«Мы сфотографировались в г. Мельник Чехословацкой Социалистической Республики в День великой Победы. Но для нас, разведчиков, война в этот день не кончилась. В лесах было полно эсэсовцев, которые старались уйти от расплаты и пробиться к американцам. Наша рота «приводила их в чувство». На снимке я стою в центре, а слева направо мои боевые товарищи Иван Бондаренко, Георгий Михневич, Александров и Котляревский. Жду их писем! (Мой адрес: Челябинская область, с. Коркино-7, ул. Спартака, дом 4-а)».

Читатель Н. Т. Барбот прислал фотографию, сделанную в Берлине, на аллее Трептов-парка, в День Победы (фото № 8). На снимке взвод бойцов 189-го отдельного батальона связи. Только что отгремел последний бой.

«Мы привели себя в надлежащий вид и долго искали какую-нибудь уцелевшую стену дома, чтобы сфотографироваться,— пишет Н. Барбот.— Как будут рады мои боевые друзья, если «Огонек» опубликует этот дорогой мне снимок! Пусть напишут мне в Ворошиловградскую область, Шахта Ц-Белянка, ул. Железнодорожная, 22».

«Может быть, кто-нибудь помнит...»—эти горестные слова часто звучат в письмах. Миллионы отцов и сыновей не вернулись с войны. И память о них, как незаживающая рана, в сердце нашего народа.

Вот почему во многих письмах мы читаем: «Я хочу знать, как погиб мой отец» или «Помогите найти однополчан погибшего сына».

Екатерина Петровна Полежаева из г. Орджоникидзе (ул. Гугкаева, 63/4, кв. 62) пишет:

«У меня вновь затеплилась надежда, что я смогу узнать хоть что-нибудь о своем сыне, который пропал без вести в начале войны. До сих пор болит мое материнское сердце, и все кажется мне, что он жив и должен вернуться... На снимке (фото № 9) мой сын в верхнем ряду пятый слева. Возможно, кто-нибудь жив из его взвода, пусть напишет...»

«Я не помню своего отца, но у меня хранится его военный снимок (фото № 10). Прошу вас, опубликуйте его! Я думаю, что среди читателей «Огонька» есть его однополчане. Мой отец — Яков Комиссаров был награжден орденом Славы. Жду ответа по адресу: Омск-50, проспект Мира, 32-б, кв. 44. Комиссаровой Н. Я.».

«Мой отец лейтенант Ганжа Михаил Петрович пропал без вести во время боев под Сталинградом. В его последнем письме с фронта была фотография, которую я вам высылаю (фото № 11). На обороте снимка он написал моему брату: «Расти, сынок, будь крепок и неумолим к врагам...» Поэтому я уверена, что отец мог погибнуть только героем. Какова была его военная судьба? Ведь должны же найтись его однополчане, которые узнают его на снимке. Пусть напишут мне всю правду... Мой адрес: 384915, г. Гали, Абхазия, Гидромеханизац, д. 10, кв. 31. Юрченко Тамара Михайловна».

«В танковом сражении на Курской дуге погиб наш сын Анисимов Иван Дмитриевич (фото № 12). Последний номер полевой почты 59846. В извещении говорилось, что он похоронен в братской могиле у села Большая Чернь... Но нам, родителям, так хотелось бы иметь хоть весточку от его однополчан. Посылаем вам фотографию нашего дорогого сына, погибшего за Родину. Наш адрес: г. Самарканд, ул. Карла Маркса, дом Анисимовых».

Первая подборка писем и фотографий участников Великой Отечественной войны, опубликованная в журнале «Огонек» № 9, вызвала горячий отклик наших читателей.

Сегодня мы отмечаем двадцать девятую годовщину Великой Победы. А еще через год грядет тридцатая.

Мы надеемся, что за этот год мы напечатаем немало воспоминаний наших читателей и вместе с ними откроем новые имена, новые факты, новые подробности боев и сражений, поисков разведчиков, действий подпольщиков и партизан. Ждем ваши письма, воспоминания, фотографии военных лет, дорогие друзья!

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

На этом снимке — мои фронтовые подруги. Служили мы в отдельном отряде дымомаскировки при Ленинградской военно-морской базе дважды Краснознаменного Балтийского флота. Пережили блокаду, участвовали в боях.

Многие из нас стали бабушками, но мы не забываем друг друга, встречаемся в День Победы. К сожалению, некоторых однополчан нам не удалось найти. Мы готовимся к встрече 30-летия Дня Победы в Ленинграде и очень хотели бы увидеть наших подруг Ольгу Петрову, Клавдию Дурнову, Марию Симоненко, Машу Першину, Таню Таричкову, Раису Хаустову и других.

А. ИСАЕВА

г. Краснокамск, Пермской области, ул. 50 лет Октября, 4, кв. 46.

ВЕТЕРАН ВОЙНЫ И ТРУДА

На страницах вашего журнала мне хочется рассказать о бывшем воине Матвее Павловиче Баданове.

В памятном 1941 году М. П. Баданов, как и многие его сверстники, отправился на фронт и всю войну до самого Дня Победы прошел в составе 35-го Конотопско-Коринского трижды Краснознаменного полка 143-й стрелковой дивизии. Не посрамил Матвей Павлович колхозников-сибиряков. За храбрость, за отличное выполнение заданий командования его грудь украшают ордена Красного Знамени и Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

После войны М. П. Баданов снова вернулся в колхоз, работал много, усердно. За доблестный труд награжден медалью «За освоение целины». У Михаила Павловича шестеро детей, очень хороших детей. Сын Александр — инженер-строитель, дочь Варвара — преподаватель в школе, дочь Марина — техник-авиатор, сыновья Алексей и Ефим учатся в технологическом институте. Самый младший, Семен, готовится в институт.

Недавно М. П. Баданову исполнилось 60 лет. Сейчас он на заслуженном отдыхе, живет в Улан-Удэ. Часто вспоминает бывалый солдат своих однополчан Глазкова, Гурьева, Салеева, Зайкина и других, вместе с которыми прошел трудными фронтовыми дорогами. Хочется ему узнать, как сложились их судьбы, как они живут, трудятся.

С. БАЙХАЛОВ
Бурятская АССР, с. Турунтаево.

О НЕМ ПИСАЛ «ОГОНЕК»

У Льва Филимоновича Зверскова хранится двадцатый номер журнала «Огонек» за май 1943 года, где напечатан его портрет, а под ним подпись: «Командир танка гвардии старшина Л. Ф. Зверсков подбил и сжег 17 немецких танков, 11 пушек, 5 тягачей и истребил 250 фашистов».

В первый день войны, 22 июня 1941 года, двадцатилетний командир танка КВ Зверсков со своим экипажем вступил в бой с фашистскими захватчиками в Западной Украине. Затем было много боев, и вот Сталинградская битва. Перед одной из атак на врага Зверсков оставил записку парторгу: «Если я погибну, то прошу считать меня коммунистом». В этом бою экипаж Зверскова уничтожил пять немецких танков. Командующий фронтом А. И. Еременко вручил отважному воину орден Отечественной войны первой степени, а коммунисты приняли его в свои ряды.

После Сталинграда вторая гвардейская танковая бригада, где служил Л. Ф. Зверсков, громила фашистов на Курской дуге и завершила свой славный боевой путь на земле фашистской Германии.

Два ордена Отечественной войны первой степени и другие боевые награды получил Зверсков за воинские подвиги. После войны вернулся он в родную чувашскую деревню Старые Урмары, продолжал педагогическую работу в родной школе, заочно окончил институт.

Вот уже более четверти века Лев Филимонович преподает русский язык и литературу. Он активный общественник, выступает с докладами и лекциями в полеводческих бригадах, на фермах совхоза «Урмарский», руководит художественной самодеятельностью школы.

Во время нашей беседы почтальон принес Зверскову пакет из столицы Чувашии. Его, члена республиканского комитета защиты мира, вызывали в Чебоксары на очередной пленум. Лев Филимонович возглавляет районный комитет защиты мира.

— В последнее время трудящиеся нашего района внесли в фонд мира 10 тысяч рублей,— рассказывает он.

У Льва Филимоновича пятеро детей. Старший, Валерий, окончил военное училище и работает начальником отдела Вологодского областного военкомата. Олег и Клара — студенты Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова. Мира и Нина — отличницы сельской восьмилетки.

Так живет, трудится, воспитывает детей боевой защитник Родины, гвардеец-танкист, коммунист, педагог Зверсков.

Г. МАТВЕЕВ
пос. Урмары, Чувашской АССР.

Л. Ф. Зверсков беседует с учащимися.
Фото. И. Иванова.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ПОЛЬШИ

А. СОФРОНОВ

—А может быть, это и в самом деле хорошо, что вы двадцать пять лет не были в Польше,— сказал мне работник ЦК ПОРП Мариан Кручковский после того, как я накануне отъезда из Варшавы в Москву поделился с ним впечатлениями человека, повидавшего четверть века назад разрушенную Варшаву и взглянувшего на нее как бы заново в весенние дни 1974 года.

Ветер воспоминаний всегда приносит то, что забыть невозможно. Вот и вспомнилось начало 1949 года, когда делегация советских писателей, в которую входили Александр Корнейчук, Павло Тычина, Антанас Венцлова, Иван Анисимов, Степан Щипачев и я, отправлялась из Москвы в Щецин на съезд писателей Польши. Собирались лететь, но погода оказалась нелетной. Пришлось добираться поездом, с пересадкой в Варшаве. Мы все-таки успели, хоть и не к началу, а к середине съезда. Тогда и познакомились с прекрасными писателями Леоном Кручковским и Ярославом Ивашкевичем. И хотя в нашей делегации не было Ванды Василевской, но она словно незримо присутствовала все эти дни с нами, как бы связывая советскую литературу с литературой польской.

В Бельведерском дворце нас принял Болеслав Берут. Во время долгой и сердечной беседы товарищ Берут какими-то очень простыми и сердечными словами рассказывал нам о трудностях восстановления хозяйства, о строительстве новой Польши. Он ничего не приукрашивал, а лишь говорил о сложных послевоенных процессах, происходивших в ту пору и в самой Польше и вне Польши, вызвавшей ярость в стане международной реакции своим решительным поворотом на путь социалистического строительства. То, что все было не просто, мы видели и сами, добираясь из заснеженного Закопане в Краков на машинах под охраной бронетранспортера. «Думаем, что ничего не случится, но так у нас на душе будет спокойней»,— сказали тогда чуть смущенно наши хозяева. Но смущаться было нечего. За свою долгую жизнь мы сами познали все это в достаточной мере: враги еще никогда не сдавались безропотно. Наши победы завоеваны немалыми жертвами. Еще когда горела истерзанная фашистской авиацией Варшава, в Праге, правобережной части города, по другую сторону Вислы, большой кровью побратались советские и польские солдаты, отвоевывая у немецкого фашизма горячую польскую землю. Теперь на шумной, не очень большой площади Праги возвышается первый памятник, поставленный сразу же после окончания войны на польской земле — памятник боевому братству советских и польских солдат, тем десяткам и сотням тысяч юношей в солдатской и офицерской форме, которые отдали свои молодые жизни тридцать лет назад, чтобы здесь, на берегах широкой, неторопливой Вислы, на всех польских землях взошла новая жизнь.

КОПАЛЬНЯ «ЛЕНИН»

Два года назад в столице Чехословакии, на встрече редакторов иллюстрированных журналов социалистических стран, созванной по инициативе старейшего чехословацкого журнала «Кветы» и его редактора Милана Цодра, мы встретились с главным редактором польского журнала «Панорама» Станиславом Соколовским. Мы и раньше знали о добром отношении польских читателей к этому еженедельнику, имеющему тираж более пятисот тысяч. Журнал оперативно и красочно рассказывает о жизни Польской Народной Республики и других братских социалистических стран. Станислав Соколовский, немногословный, уже далеко не молодой, не разлучающийся с трубкой человек, прошел нелегкий жизненный путь. На себе испытал ужасы Освенцима. Закончил войну в составе Первой Польской армии, совместно с советскими войсками штурмовавшей Берлин... После встречи в Чехословакии в редакцию «Огонька» пришел конверт из журнала «Панорама» с приглашением быть гостем редакции.

...И вот мы летим из Варшавы в Катовице на очень удобном и спокойном самолете АН-24. Всего 45 минут. Вечерняя тьма. Звезд не видно. Только видно багряно-черное зарево, то приближающееся, то снова куда-то уходящее в сторону. Да, это и есть горячее сердце Польши — Силезия.

Утром, солнечным и дымным, вместе со Станиславом Соколовским мы отправляемся на осмотр района Катовице. Здесь есть что посмотреть. Все внушительно. На всем лежит печать огромного человеческого труда. Видно, как жители любят и украшают свой родной город. Одно из последних достижений силезцев — прекрасное спортивное сооружение, которое здесь в шутку называют «летающим блюдцем». В нем

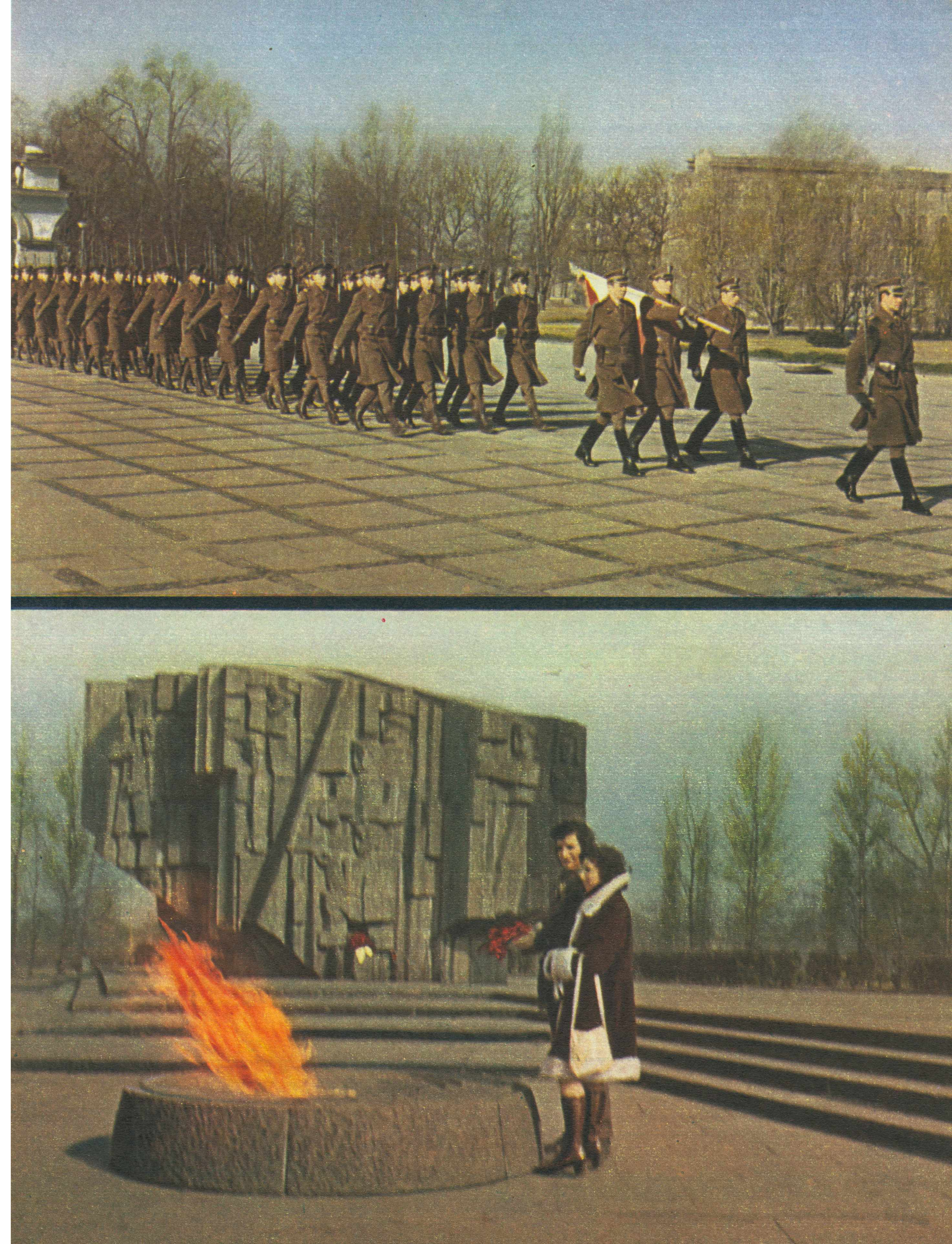
Варшава. После возложения венка к могиле Неизвестного солдата

У Вечного огня.

На развороте вкладки:
Коняковские кружевницы.

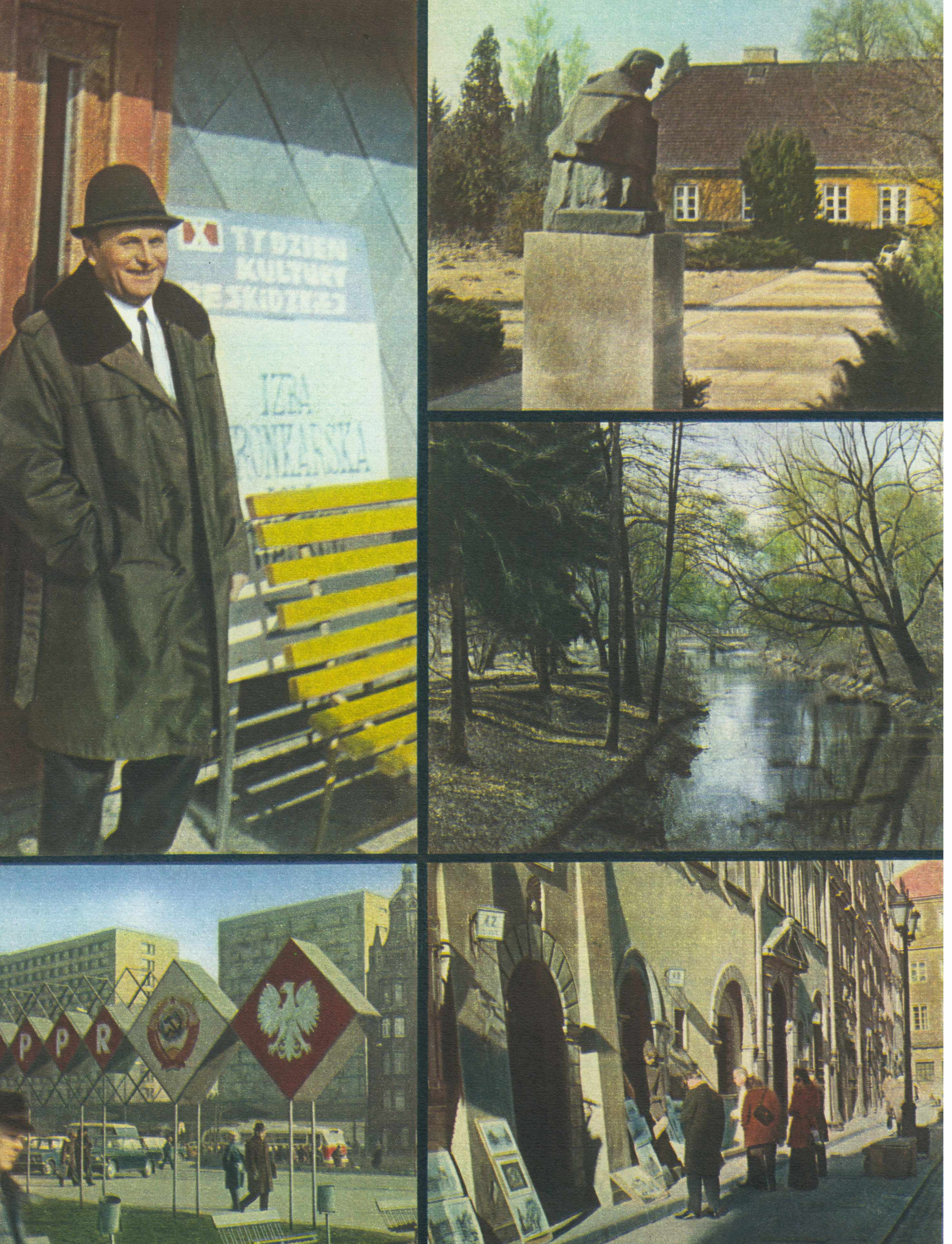
В старом Кракове.

Правобережная часть Варшавы — Прага. Памятник братству и мужеству.

TYDZIEN
KULTURY
IZBA
P P R

прекрасные залы для разных видов спорта. Удобная арена для легкой атлетики и для хоккея. Конечно, этот же зал широко используется для больших народных представлений, в частности, здесь уже выступал — и с большим успехом — ансамбль песни и пляски под руководством Б. А. Александрова.

— Поедемте в парк,— сказал Соколовский,— он у нас особый, разбит на месте заброшенного пустыря. Сейчас парк — любимое место отдыха шахтеров и металлургов, которые, хотя и живут в трех смежных городах: Катовице, Хожуве и Сосновце,— но, по существу, являются гражданами одного большого города.

Деревья были еще голые, ветки на фоне голубого неба казались ажурными. Дышалось легко. Земля отходила от трудной бесснежной зимы. В прудах весело кувыркались дикие утки.

— В строительстве этого парка очень большую роль сыграл товарищ Эдвард Герек. Сам он из этих мест. Отсюда он вынужден был эмигрировать во Францию, а позднее в Бельгию, где работал шахтером и участвовал во время войны в Движении Сопротивления,— говорил Соколовский.— Вернувшись на родину, товарищ Герек здесь работал вплоть до того, как был избран Первым секретарем ЦК ПОРП. Он хорошо знает труд горняков, поэтому и делает все, чтобы рабочим Польши, и в частности шахтерам и металлургам, жилось как можно лучше... А сейчас нас ожидают на шахте «Ленин»,— сказал Соколовский, и мы снова отправились в путь.

На фронтоне красного кирпичного здания мы прочли: «Копальня «Ленин». Нас встретили главный инженер шахты Юзеф Ялоха, председатель шахткома Марцели Буднёк, секретарь партийного комитета Ян Каня и другие работники шахты, что по-польски зовется «копальней».

— Мы знаем, что советские товарищи интересуются многими вопросами,— сказал секретарь парторганизации Ян Каня.— Говори, Юзеф,— обратился он к главному инженеру.

Кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП, первый секретарь Катовицкого воеводского комитета партии Здислав Грудзень

— Думаем, что вам будет приятно узнать, что к 50-й годовщине создания Советского государства наша шахта добилась наивысшей производительности, дав на-гора́ 16 тысяч тонн товарного угля. В будущем году мы предполагаем довести выработку до 18 тысяч тонн.

— А сколько шахты в Силезии дают в среднем тонн?

— Пять-шесть тысяч.

— Какая глубина шахты?

— Мы ведем работу на трех уровнях. Нижний уровень 665 метров, верхний — 80.

— Сколько горняков работает здесь?

— Пять тысяч шестьсот.

— Скоро будет шесть тысяч,— добавил Ян Каня.— Главное у нас — механизация. Из двенадцати рабочих участков девять механизированы полностью. Мы ведем курс на стопроцентную механизацию, так, чтоб нигде шахтеры не пользовались лопатой. Наша шахта первой в Польше ввела в 56-м году высокопроизводительный по тому времени комбайн «Донбасс».

— Какой техникой пользуетесь сейчас?

— Разной... Пользуемся механизированными комплексами, в том числе и советскими ОМКТ, КМ-87. Сейчас мы рады, что работают уже и наши отечественные польские комбайны... Работают отлично.

— Какой средний возраст рабочих вашей шахты?

— Средний возраст наших шахтеров держится устойчиво примерно на 36 годах. Молодежи до 28 лет — полторы тысячи.

Дальнейшая наша беседа проходила в помещении, где собраны материалы по истории предприятия. Именно здесь мы и выяснили, что шахта ведет свое начало еще с 1828 года и долгое время являлась собственностью некоего князя. В годы войны на территории шахты находилась часть лагеря Освенцим. Юноши, поступающие на шахту, здесь, в этом своеобразном музее, узнают все о предприятии, где им предстоит работать. Они видят фотографии лучших горняков, таких, как Юзеф Галата, за 17 лет добывший 400 тысяч тонн угля. Узнают они и о том, как дружат шахтеры копальни «Ленин» с горняками Донбасса из Горловки и Макеевки, и о том, что весь коллектив копальни является членом Общества польско-советской дружбы.

...Долго мы ходили по различным социально-бытовым учреждениям шахты и закончили путешествие у «лягушатника» — бассейна, где обучались плаванию шахтерские дети. Было уже совсем темно, когда мы отправились в поселок. Возле Дворца культуры подошли к высокому, стоящему под весенними звездами памятнику Владимиру Ильичу, и вместе с польскими шахтерами положили на постамент красные гвоздики.

ВСТРЕЧА СО ЗДИСЛАВОМ ГРУДЗЕНЕМ

У себя в Советском Союзе мы хорошо знаем, как заняты руководящие партийные работники. Поэтому я прекрасно понимал Станислава Соколовского, взволнованно сообщившего мне, что утром мы отправимся на встречу с кандидатом в члены Политбюро ЦК ПОРП первым секретарем Катовицкого воеводского комитета партии товарищем Здиславом Грудзенем.

Здислав Грудзень тепло встретил нас в кабинете. Я почувствовал, рука у него сильная.

— Садитесь,— сказал товарищ Грудзень.— Вы первый раз в Силезии?

— Первый.

— Значит, впечатления должны быть у вас острые.

— В этом кабинете работал товарищ Герек?

— В этом... Здесь все осталось так, как было. Он работал в нем больше тринадцати лет. Здесь, на силезской земле, родилось социалистическое соревнование. У нас самый большой процент рабочих по отношению ко всему населению области. В промышленности и на транспорте три миллиона шестьсот тысяч рабочих. Силезия занимает всего 3 процента территории страны. Естественно, что у нас огромная плотность населения. В среднем считается, что на всех наших девяти с половиной тысячах квадратных километров с шестнадцатью городами на квадратном километре проживает 340 человек. А к северу области, где особая концентрация промышленности, приходится от 2 500 до 6 500 человек на квадратный километр. В этом есть и свои плюсы и свои минусы.

— Минусы?

— Очень много хлопот с очисткой воздуха. Раньше на область высыпалось в год до одного миллиона тонн сажи.

— Миллиона?!

— В последние годы мы уменьшили до 650 тысяч тонн... Но это тоже много. А загазованность воздуха?!

Нельзя было не почувствовать, что эта проблема — одна из главнейших в работе силезской партийной организации.

— На территории области находятся три института, связанных с охраной природы. В одном из них работают специалисты из ООН, второй принадлежит полностью воеводству. В других институтах есть еще и специальные факультеты. Каждый год на территории воеводства высаживаются миллионы деревьев.

— Мы были в парке...

— Парк — только одна из частиц нашего плана. Мы не можем иначе. В Силезии добывается более 90 процентов польского угля. Наши шахты оборудованы по последнему слову техники. У нас прекрасная связь с угольщиками Советского Союза. Мы ставим перед собой планы большой газификации углей. Путем химической переработки собираемся производить бензин... Но для этого нам нужен дешевый водород... Это все впереди... Проблем много. Мы производим около 60 процентов стали в стране, причем большое количество самых высоких сортов,— товарищ Грудзень говорил просто и вместе с тем как-то по-особому вдохновенно.— Наши старые комбинаты нуждаются в модернизации. Это все нелегкая работа, но люди у нас с золотыми руками и горячим сердцем. Они отлично понимают, что выполняют решения партии и что совершенно новый металлургический комбинат «Катовице» при помощи советских инженеров и проектировщиков будет построен в срок и к VII съезду нашей партии мы дадим первую сталь. Можно сказать, что этот комбинат будет детищем Первого секретаря ЦК ПОРП товарища Э. Герека и Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

— Как работают советские специалисты?

— Прекрасно. Сотрудничество с ними идеально. Они оказались наилучшими пропагандистами дружбы наших народов. Могу, в частности, назвать дружбу с товарищами из Краматорска. Как видите, дел много. Можно еще прибавить, что почти вся польская медь выплавляется в Силезии. Добываем цинк и олово, запасы их очень большие, предполагаем развивать добычу серебра. Вы обратили внимание на нашу новую машину? В 72-м году мы выпустили 9 тысяч машин, в 73-м — 33 ты-

Председатель артели кружевниц села Коняков Лешек Гварек.

Площадь в Катовице.

Памятник Шопену в Варшаве.

Желязова-Воля. Шопеновские места.

Варшава. Старе Място.

сячи, в этом выпустим около 40 тысяч. В 78-м году рассчитываем на выпуск 200 тысяч машин... Мы выпускаем 17 видов моторов — от больших до самых маленьких. 21 процент всего польского экспорта рождается на силезских землях. Мы можем твердо сказать, что Силезия успешно выполняет решения VI съезда ПОРП.

— Сколько коммунистов в партийной организации?

— Триста пять тысяч... Около 50 процентов — рабочие. Крестьян — 3 процента. Много членов партии среди инженерно-технического состава, среди учителей и врачей. У нас есть костяк коммунистов, которые прошли школу Октябрьской революции, участвовали в Движении Сопротивления во время войны, сражались в одних рядах с советскими войсками. Огромное значение наша партия придает работе с передовиками производства. Государство отмечает их наградами. Девяносто передовиков занесены в книги почета, мы рассказываем об их трудовых подвигах. Лучшие художники, графики создают портреты заслуженных тружеников. Устраиваются выставки, на которые приходят тысячи людей. На выставках передовикам производства вручают их портреты. Что это дает? Почет и уважение рабочему человеку, кроме того, люди знакомятся друг с другом, с художниками. Они как бы вписываются в историю нашей страны. Конечно, все само по себе не рождается. Но главное, мы ищем формы связи и знакомства с людьми. В последнее время руководящие работники часто приходят в гости к рабочим. Вначале к этому у нас отнеслись недоверчиво... Но когда приходит в семью к рабочему секретарь городского комитета партии, директор предприятия, другие руководящие работники, за столом собирается вся семья. Начинаются разговор, дискуссии от жилищных проблем до международных вопросов. Конечно, нашему брату порой достается. Критикуют за некачественное жилье, за торговлю. По-моему, очень ценно, когда так прямо говорят. Работники аппарата у нас, как правило, хорошие. Но все же у некоторых не так уж много жизненного опыта, в войне не участвовали, во время оккупации или были детьми, или вообще еще не родились. Собрание — это хорошо. Но здесь, когда сидишь рядом, испытываешь большое удовлетворение, каким-то ключом души открывается человек. Много вопросов решается, и много проблем возникает. Вспоминаешь ленинский принцип прочной связи партии с народом, с обществом. В эпоху научно-технической революции это имеет особое значение. Люди хотят учиться. С 70-го года повторяем опыт первых послевоенных лет, когда готовили специалистов различных профилей из рабочих. У нас многие учатся в технических школах и вузах — более сорока тысяч, не считая студентов гуманитарных факультетов. В нашем воеводстве — 95 процентов коренного польского населения...

Директор завода Чеслав Козубек

— Приезжают ли гости с Запада?

— Да, конечно... Мы и сами заинтересованы, чтобы они бывали у нас. Пусть смотрят, как мы живем. За последние три года реальные доходы населения поднялись на 30 процентов. На продукты питания цены стабильные. Повысили цены на алкоголь, бензин и некоторые бытовые услуги. К VII съезду партии будет осуществлено повышение заработной платы.

...Более полутора часов продолжалась увлекательная беседа.

Прощаясь, Грудзень улыбнулся и сказал:

— Наши люди называют Силезию сердцем Польши. Вы здесь побудете, почувствуете, как бьется это сердце. Желаю вам хорошей дороги!

ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ ВИСЛА

Соколовский сказал мне:

— Мы поедем в Вислу.

— Это что такое?

— Небольшой городок в горах, один из центров отдыха горняков, туда приезжают шахтеры с семьями.

— И с детьми?

— Конечно... Очень красивое место. Мы будем там только ночевать. Все остальное время будем знакомиться с достопримечательностями. Там есть что посмотреть.

— Но почему Висла?

— С этих гор берет свое начало наша Висла.

...И вот мы после осмотра завода эмалированной посуды сидим в кабинете директора Чеслава Козубека. Это энергичный, чуть полноватый человек средних лет. На заводе он директорствует не так давно, во всем видна его энергия. Еще когда мы ходили по жарким старым цехам, он говорил: «От таких цехов мы пока не можем отказаться. Продукция наша высоко ценится. Торговые специалисты говорят, что она по качеству выше английской и шведской посуды. Но мы сейчас строим три новых цеха. Это будет большой скачок в производстве. На комбинате семь тысяч рабочих, половина из них женщины. Выпускаем продукцию семисот наименований, включая и холодильники!..»

В кабинете Козубек продолжил беседу:

— Мы торгуем с тридцатью шестью странами, в том числе и с Америкой, которая хорошо платит за нашу посуду... Поддерживаем контакты с советскими предприятиями. К нам приезжали из Новосибирска... Пять лет назад у нас в гостях были представители завода эмалированной посуды из Ростова-на-Дону. Если же говорить откровенно, моя мечта — объединить усилия с родственными заводами Советского Союза.

— Как обстоит дело с кадрами рабочих и специалистов?

— Вообще в кадрах у нас нет недостатка. Но не хватает средних технических специалистов. Молодые люди не очень сюда стремятся, потому что завод старый... Впрочем, это проблема не только нашего завода. Молодым нужно, чтобы все было уже на современном уровне техники... И в первую очередь чтобы была автоматика. Не понимают они простой истины: для того, чтобы узнать душу предприятия, надо пройти и через барьеры его роста.

Уже чуть позже, когда мы сидели на берегу небольшого озера в ресторане «Олимпия», Соколовский сказал:

— Когда я смотрю на предприятия Силезии, которые или строятся заново, или находятся в стадии активной реконструкции, я всегда вспоминаю тех, кто вернул Польше ее самостоятельность, вспоминаю Советскую Армию и в первую очередь маршала Конева, который хитроумным оперативным маневром спас Силезию от полного разрушения.

...На другой день рано утром к нам приехал секретарь Цешинского повятового комитета ПОРП Тадеуш Томачек.

— Мы хотим, чтобы вы отдохнули от промышленности. Посмотрим совсем старую Польшу.

— А разве она еще есть?

Томачек улыбнулся:

— Увидите.

Извилистой асфальтовой дорогой мы отправились в село Истебну. День был воскресный. Навстречу шли празднично одетые люди. Вскоре мы въехали в небольшое село и остановились у старой, почерневшей избы. Возле нее стоял автобус. Томачек сказал:

— Придется обождать, там экскурсия.

Вскоре на дороге появились юноши и девушки. Они весело переговаривались и занимали места в автобусе. Мы спустились с дороги во двор. У порога старой курной избы стоял старик с подслеповатыми глазами:

— Ян Ковулек,— сказал он, открывая дверь в избу.— Заходите. В большой комнате, слева от входа, большая печь. Возле нее — широкая лавка. На стене музыкальные инструменты.

— Расскажите гостям, как вы раньше жили,— сказал Томачек.

Хозяин дома лукаво улыбнулся:

— Избе этой 99 лет. Она без дымохода. Нашим предкам дым не мешал, они привыкли к дыму. Росли мы в одних рубашках. Мать сажала нас одного за другим в большой таз, терла пучком соломы. Надевала белую рубашку до пят, и каждый из нас был одет на всю неделю... А уже в пятницу нельзя было узнать, который Юрек, а который Янек. Вся жизнь была возле печи. В ней пекли хлеб, варили картошку. А рядом стоял котел для свиней. Спичек не было. Мужчины и женщины курили трубки. Девушка приучалась курить, чтобы не жаловалась потом, что от жениха табаком пахнет. Когда приходил сосед, сначала закуривал, а потом говорил «добрый вечер». Когда гостю хотели оказать почет, ему предлагали сесть на печь. Такой был добрый обычай у наших предков,— Ковулек засмеялся совсем по-детски.— Сейчас, конечно, все это смешно, но тогда гости приходили и мокрые и холодные. А лечили как? Сейчас мы рассказываем, а нам не верят... Легендой считают... Лекарств-то и врачей не было. Опять печь лечила. Мама топила ее, потом клала нас, простуженных, на широкую доску, завернув в одеяло, и совала в печь, так что только чуб торчал. Больной сильно потел. Очень хотелось пить. Ему давали чаю и снова засовывали в печь. Потом третий раз и оставляли на печи уже до утра. Утром повторяли все снова. Так до трех раз. Мыли в тазу и клали в постель. Если не умирали, то излечивались... Заговорил я вас,— сказал, все так же подоброму улыбаясь, старик и снял со стены трембиту,— на ней у нас каждый пастух играет. Ее далеко слышно — за двенадцать километров.— В комнату вошла женщина.— Это моя дочь, Зуска... Играй, Зуска,— сказал он дочери, и изба наполнилась сильными, чуть рыдающими звуками трембиты.— С этими инструментами мы ездили в Киев на концерты,— говорил Ковулек, прощаясь с нами на пороге дома.

Ян Ковулек

...— А теперь поедем к кружевницам,— сказал Томачек, когда мы сели в машины.

Над нами висело высокое голубое небо, кое-где в низинах белел снег. Все вокруг было словно вымыто первыми весенними дождями.

Лешека Гварека, руководителя артели знаменитых польских кружевниц из села Конякова, мы встретили возле его дома, в котором находился и небольшой музей, связанный с деятельностью его матери Марии Гварек.

Музей небольшой, все помещается в одной комнате. В центре музея несколько фотографий; среди других женщин сидит уже немолодая женщина с красивым, решительным лицом. Здесь же на стенах — белые и кремовые кружева в рамках — работы Марии Гварек.

— Когда закончилась война,— сказал негромко Лешек,— у нас здесь все стало по-иному. Люди работать хотели... Света не было... А как же кружевницам без света? «Нам поможет народная власть»,— сказала моя мама и поехала в Варшаву. И прямо пошла к Беруту. Конечно, не сразу она оказалась у него, но через три дня была принята Берутом. Он внимательно ее выслушал и спросил: «А сколько у вас кружевниц?» «Триста двадцать пять человек»,— ответила мама. «Ну, что ж,— сказал Берут,— поезжайте, народная власть поможет вам». Мама поблагодарила и уехала... А через три недели приехали электрики, и в районе был проведен свет... С тех пор и по сей день артель работает. Все узоры собственные... Кружева наши известны во всем мире... Даже бельгийская королева, известная ценительница кружевного искусства, высоко отмечала наши коняковские изделия.

— Мария Гварек — истинно народная художница,— сказал Томачек,— она была не только главой коняковских кружевниц, но главным консультантом по одежде наших художественных ансамблей.

— На каждую скатерку небольшую уходило по два с половиной месяца,— сказал, вздыхая, Лешек, сын Марии Гварек, когда мы выходили из музея.

Мы медленно поднимались по тропинке к дороге, а Томачек говорил:

— В горах бои продолжались довольно долго. Враги народной Польши пытались задержаться здесь... А еще раньше, в 43-м году, именно сюда, в район Конякова, была направлена для связи с партизанами русская девушка Александра Анисимова. Прыжок с парашютом был неудачен, Александра сломала ногу и повисла на дереве. Местные жители нашли ее, спрятали, выходили и помогли выполнить боевое задание. Сейчас Александра Анисимова почетная гражданка города Цешин, приезжает к нам в гости. Наши люди всегда сердечно встречают ее.

...На горке мы встретили чинно идущих из церкви пожилых кружевниц. Когда я навел на них фотоаппарат, они заулыбались, а одна из них, небольшого роста, проговорила:

— Не забудьте карточку прислать.

...Город Бельско-Бяла всегда славился костюмными тканями. Все это осталось и сейчас, только теперь еще прибавилось электромашиностроение и автомобилестроение.

Это мы узнали на третий день пребывания в Висле, когда дождливым туманным утром покинули Вислу, проехали перекопанные и вспоротые вдоль и поперек улицы Бельско-Бялы и оказались в здании городского комитета партии, где нас встретили секретари горкома Бронислав Пашек и Юзефа Салек.

— Каждый второй житель нашего города работает в промышленности. А жителей у нас 260 тысяч, заняты на заводах и фабриках — 120 тысяч да прибавьте к этому еще 40—50 тысяч, работающих на предприятиях города, а проживающих в районах, прилегающих к Бельско-Бяле,— говорил Бронислав Пашек.— Партия поставила перед нашей организацией задачи: ускоренное развитие машиностроения, реконструкция старых предприятий и дальнейший рост текстильной промышленности... Вы, наверно, обратили внимание на то, что делается в городе?

— Обратили.

— Рост населения, рост промышленности требует и капитальной перестройки транспортных магистралей. Город насчитывает семьсот лет, строился он хаотично. Сейчас мы прокладываем новую транспортную артерию: Север — Юг — Запад — Восток. Реконструируем центр. Ведем огромное жилищное строительство. Решается проблема все большего участия женщин в производстве. На текстильных предприятиях они сейчас составляют до 80 процентов общего количества рабочих. А если так, необходимо все больше строить яслей и детских садов, которых пока еще не хватает...

— Как женщины участвуют в общественной и партийной жизни? — обратился я с вопросом к Юзефе Салек.

— Очень активно... В Бельско-Бяле 12 600 женщин — члены партии, 85 работают первыми секретарями партийных организаций.

— Вы, наверно, тоже работали на одном из предприятий?

— Раньше я была секретарем парткома текстильного комбината. Для того, чтобы женщина чувствовала себя хорошо на производстве, мы должны создать ей все условия. У нее особая роль: работая на фабрике или на заводе, она и дома основной работник... К сожалению, у нас пока еще так обстоят дела: если заболел ребенок, она уже не может работать...

— А как с рождаемостью?

— В 60-х годах рождаемость в Польше снизилась. Конечно, это нас встревожило. Государство приняло меры. Увеличило отпуска. Раньше отпуск был 12 недель, сейчас — 16 недель, а если рождается второй или третий ребенок, то отпуск дается на 18 недель... Если же по семейным обстоятельствам женщина не может выйти на работу и после этого — за ней сохраняется ее место и стаж в течение трех лет...

— Произошли какие-либо изменения по сравнению с началом шестидесятых годов?

— Да... Сейчас уже модно иметь и два и даже три ребенка.

— Модно?

— Так получается... Все больше молодых женщин решаются и на третьего ребенка. Это, конечно, укрепляет браки. У нас сравнительно мало матерей-одиночек. Впрочем, по нашим законам, если девушка может вступить в брак, достигнув восемнадцати лет, то юноша не раньше двадцати одного и то после службы в армии. Только судебное решение может изменить эти статьи закона. Мы делаем все, чтобы молодые семьи получали различную помощь в виде жилищных кооперативов, рассрочки на мебель. И, надо сказать, семьи крепнут, раньше было больше разводов...

Через полчаса мы были на текстильном комбинате и смотрели, как выделываются костюмные ткани. В готовом виде мы увидели их в специальном зале, куда пришли после осмотра.

— Добрая слава ваших материалов не померкла?

— Судя по тому, что некоторые английские фирмы покупают их у нас, не померкла,— ответил экономический директор комбината Тадеуш Сух.— А вообще на ежегодных ярмарках в Познани и Лодзи мы изучаем запросы рынка, представляя на эти ярмарки всю нашу коллекцию. Рынки сбыта у нас разнообразные: СССР, Америка, азиатские страны, в частности Япония и Индия... В Европе активно торгуем с Западной Германией, впрочем, не только с ней.

— Много ли молодежи на комбинате?

— Конечно... Но о молодежи пусть расскажет товарищ Душняк, он сам инженер, а сейчас секретарь партийной организации.

— У нас много молодых людей,— сказал Франтишек Душняк.— Многие из них приходят на комбинат из деревень. Это не такой простой контингент для идеологического воспитания. Недоверчивость, замкнутость характерны для многих из них. На первых порах полное отсутствие какого-либо желания участвовать в общественной работе...

— У всех?

— Не у всех, но у многих... Как пример могу привести одного из них. Его имя Анджей... Я как-то сразу приметил этого парня. Много раз говорил с ним, а он мне все пословицей отвечал: «Кто под лавкой лежит — тот на лавке никогда не будет». Я ему говорил: «Неправда, все от тебя зависит, можешь и на лавке очутиться». Сейчас ему 28 лет, на комбинате 8 лет. ...Конечно, он вырос. Закончил заочно политехнический институт, сейчас руководит участком. Член партии. Рационализатор.

— И до сих пор ваш подопечный?

— Это человек, на которого можно положиться. Подопечные теперь уже у него самого имеются... Недавно Анджей вернулся из Нью-Йорка. Там наш комбинат купил 20 машин. Послали Анджея посмотреть, как работают машины. Человек он, конечно, неугомонный... Услышал шум в зубчатой передаче — рацпредложение хотел внести. Там по-своему его поняли — оставайся, говорят. «Да вы что?» — отвечает Анджей. Вернулся, рассказывал и смеялся. Вот вам и под лавкой лежит!

— У нас большие дружеские контакты с ногинскими текстильщиками,— сказала Юзефа.

— Контакты эти начались давно,— как-то вдруг серьезно сказал Франтишек.— Мы все помним, что наш город освободила Советская Армия — и с тех пор министр обороны Советского Союза маршал Гречко является его почетным гражданином.

Главный редактор журнала «Панорама» Станислав Соколовский

* * *

...Вот уже в последний раз мелькнули в толпе провожавших Станислав Соколовский и наша переводчица, сотрудница «Панорамы» Эльвира, с которой мы очень подружились за десять дней пребывания в Польской Народной Республике. Поезд Варшава — Москва набирал скорость. Скоро загрохотал под колесами мост через Вислу, и поезд помчался к Бресту. Теперь я узнал, и откуда начинается Висла, и как живут сейчас в городах и селах Польши, и как действительно мощно и разносторонне преобразилась эта страна, с народом которой мы связаны теснейшими братскими узами, спаяны кровью, пролитой в совместных боях за освобождение Польши. В памяти остались и старые камни Кракова и голубые вершины гор, откуда берет начало Висла. Запечатлелся в памяти плакат в экспериментальном цехе планерного завода в Бельско-Бяле: «СССР — гарантия нашей безопасности» — и легкий шелест ветра в местечке Желязова-Воля, где однажды солнечным, ясным утром мы были на родине гениального польского композитора Шопена. Да, может, и в самом деле что-то есть в том, что второе свидание с Польшей произошло у меня через четверть века и я увидел восставшую из пепла и руин, красивую Варшаву с ее памятниками и широкими площадями, шумной и пестрой толпой среди бережно восстановленных старых зданий и среди новых домов. И над всем этим, как алый полог, в багряных отблесках вечернее небо Силезии — горячего сердца Польши.

Катовице — Варшава — Москва.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора.

Помните у Толстого! «Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря уже сбросила с себя сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском...» Кажется, не сто с лишним лет назад написаны эти строки, а родились только сейчас — так точна и поэтически возвышенна развертывающаяся панорама. В низинах еще лежит туман, а на вершине, в лучах желтого утреннего солнца горит свеча обелиска. Сапун уже пробужден. Идут и идут люди. Несут цветы к священным могилам. Несут свои думы. И даже сейчас, три десятилетия спустя, под звуки торжественной скорбной мелодии, возникающей, кажется, в недрах самой горы, не может сдержать рыданий эта немолодая уже женщина. Кто она! Дочь, сестра лежащих здесь! Вдова! Не сушат годы слез, не меркнут образы близких, никто не забыт...

Есть города, чье величие и сила духа становятся образцами патриотизма и символом немеркнущей славы народа. Севастополь — в их первом ряду. Чистый, белый город у моря, он дважды снискал славу воина. Ни в дни 349-дневной обороны 1854—1855 годов, ни в страшные дни 1941 года враг не сломил духа защитников Севастополя. В майские дни 1944 года, когда наши воины, сбросив противника в море, вошли в город, среди руин нельзя было отыскать и десятка уцелевших зданий. И тут предстояло совершить городу новый подвиг — подвиг восстановления. Этот подвиг тоже был совершен. Проезжая по «старым» улицам мимо домов, сложенных из знаменитого белого ракушечника — инкерманского камня, невозможно представить, что возраст этих возрожденных улиц еще младенческий. А рядом поднялись районы, которые иначе, как «новорожденными», и не назовешь — Камышовая бухта, район Куликова поля, десятки улиц, называемых, как правило, именами защитников города-героя. И в яркие весенние дни не редкость на афишных тумбах увидеть сообщение: «Праздник улицы». Здесь, на этом празднике, первое слово о герое. Никто не забыт...

Севастополь — город русского и советского флота приобрел новые профессии. Еще десяток лет назад едва ли можно было говорить серьезно о севастопольских рыбаках. Сегодня же в объединении «Атлантика» работают тысячи рабочих. Марки севастопольских вин завоевывают на конкурсах медали.

И невозможно представить Севастополь без бескозырок, бушлатов... Эстафета героев, эстафета славы передана в крепкие, молодые руки. И сегодняшние двадцатилетние помнят, чью эстафету несут...

Утро трудовое.

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

ПОДВИ

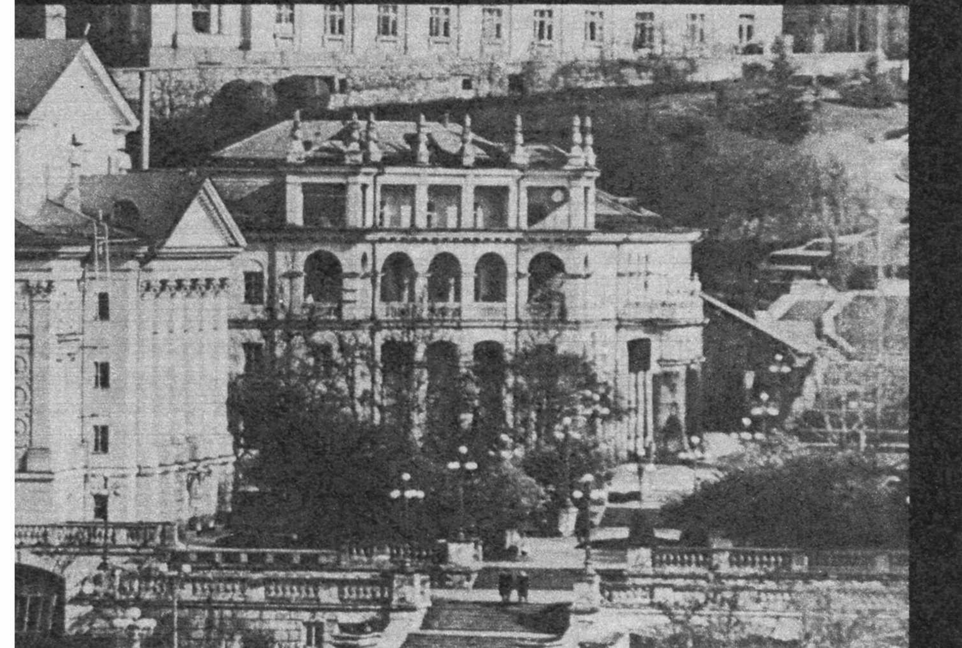
Заря только начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою...

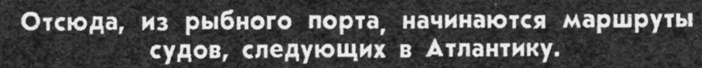

Молодость города-героя.

Г СЕВАСТОПОЛЯ

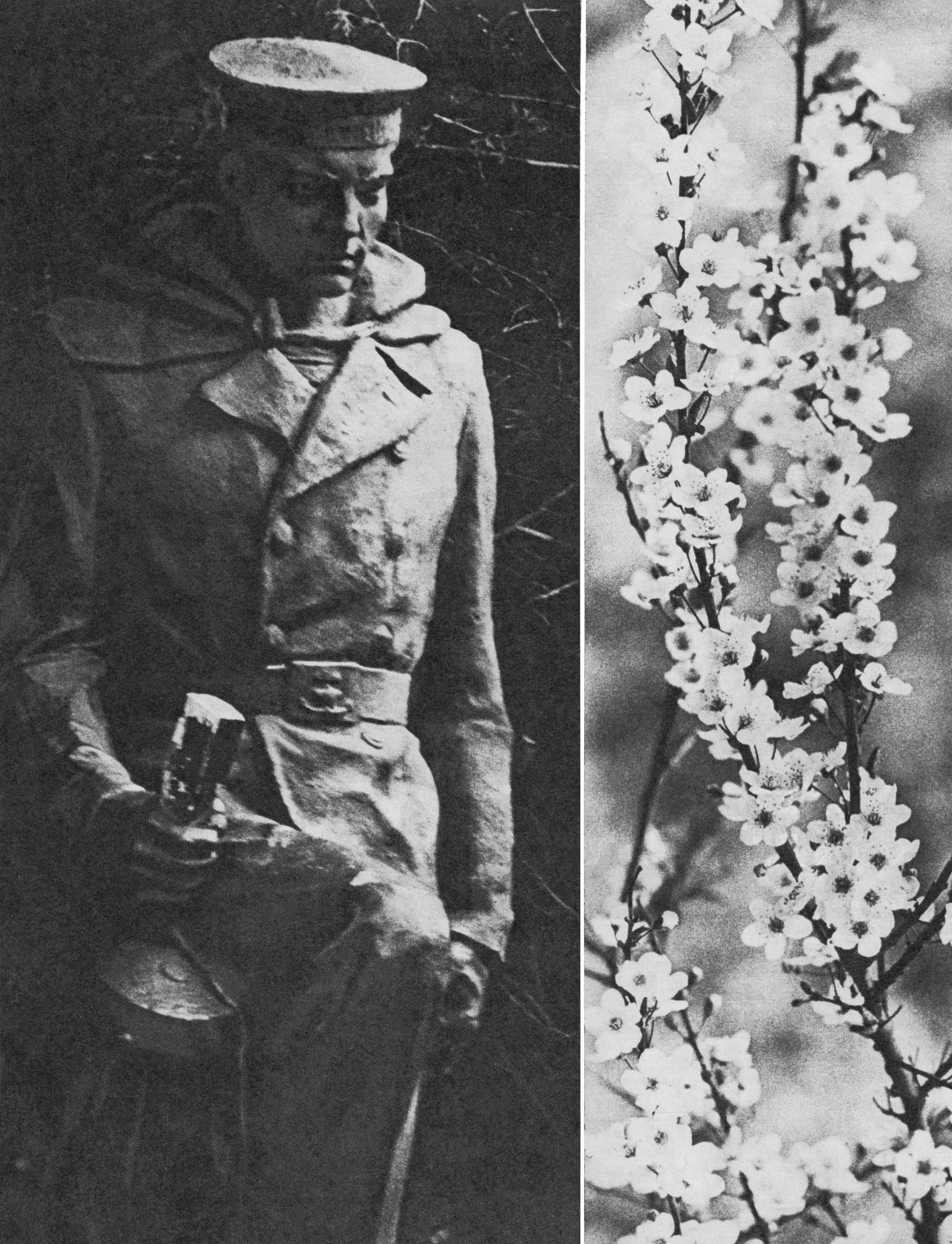
Белый город у моря.

Отсюда, из рыбного порта, начинаются маршруты судов, следующих в Атлантику.

Никто не забыт, ничто не забыто... Мария Петровна Ревякина — мать героя севастопольского подполья В. Д. Ревякина.

СКВОЗЬ СТО ОГНЕЙ

Николай РЫБАЛКО

БАЛЛАДА О РЕКАХ

Я был на Одере,
на Эльбе,
Я слышал треск речного льда.
Узнал я под свинцовым небом,
Как холодна
тех рек вода.
А как горька вода чужая...
Разгоряченная войной,
Она бурлила,
угрожая
Своей могильной глубиной.
С волной продымленною споря,
Тяжелых не смыкая век,
Хлебнули мы немало горя
Из багровевших этих рек.
Потом,
друг друга обнимая,
Смеясь —
уже не на войне!—
Тянулись мы салютным маем
К родимой нашей стороне.
А много ли солдату надо,
Прошедшему сквозь сто огней?
Была бы только
Волга рядом
Да песня русская над ней.

* * *

О, если б расступилась тьма
Весенним днем
или осенним...
Нет, не сошел бы я с ума
От радостного потрясенья.
Надел бы китель я опять,
Родную навестил бы роту.
И мог бы сверстникам сказать:
«Ну вот и я
вернулся с фронта!»

* * *

Ты не забыл, ты ясно помнишь
это:
Держал ты глобус и краснел
слегка.
Казалось, вся огромная планета
Была в твоих мальчишеских руках.
Шумели годы... Где теперь те
книжки,
Доска в мелу, ряды сосновых
парт?!
Уже другие бойкие парнишки
Стоят у тех же глобусов и карт.
Ты варишь сталь для лемехов, но
где-то
Готовят сталь для пушек
и брони.
Уже не глобус, нет, сама планета
В твоих руках... Судьбу ее храни!

Краматорск.

МОЙ ВАНЯ

Рудольф КАЛЧИК,
чехословацкий писатель

Рассказ-быль

Рисунок В. Юдина

В ту пору я жил в небольшом городке Южной Чехии, на улице, которая называлась Монастырской, у бабушки Кунцовой. После 9 мая почти в каждой семье жил советский солдат. Стояли теплые вечера, и солдаты любили посидеть на скамейках перед низенькими домиками, потому что прогретая солнцем улица и обмазанные белой глиной дома напоминали им их далекую родину.

Только у бабушки Кунцовой не жил никто, хотя и она просила поселить к ней солдата.

И вот однажды появился паренек в военной форме.

— Ваня,— представился он.

Мы как раз сидели за ужином, ели подкисшую картошку и пили эрзац-кофе с козьим молоком. Бабушка внимательно на него посмотрела, как будто бы хотела с первого взгляда запомнить его лицо. Но это оказалось трудно: все они были загоревшие, рослые, в гимнастерках и сапогах, звенели медалями и оружием. Гвардейцы!

Наш солдат оказался шофером. И тоже гвардейцем. Он сказал, что ехал сорок восемь часов и что теперь ему надо немножко передохнуть, потому что ночью он поедет дальше. Ему не пришлось долго ждать: чешская деревенская кровать была уже готова, и бабушка заботливо разглаживала тяжелые и высокие белые перины и подушки.

— Тут будешь спать, как дома,— сказала она.

Ваня смущенно провел рукой по низкому ежику и отрицательно покачал головой.

— Я так не умею... Доброй ночи, бабушка!

Он взял плащ-палатку, расстелил ее на полу, свернутую шинель положил под голову, свободную часть плащ-палатки набросил на себя и, лежа так, взглянул на свою хозяйку. Она была уже пожилой женщиной, так что имела право рассердиться на него. И гнев ее был такой, что загоревшее лицо паренька вспыхнуло.

— Встань сейчас же! Ложись в кровать! — настаивала она.— Что скажут люди, если увидят? Подумают, что старая Кунцова экономит на белье.

Но Ваня оказался упрямым.

— Нет, бабушка,— сказал он твердо.— Так мне очень хорошо. Честное слово, на такой мягкой и чистой кровати я уже давно не лежал. Но вы поймите меня... пожалуйста! К матушке-земле и к полу я привык... Дома уже буду отвыкать от этой привычки.

Бабушка наконец уступила. Она выглянула в окно. Нет, слава богу, никто не видит, что у нее русский солдат спит не в перинах, а на полу. Но сердце у нее все же болело. Она пошла на кухню и там постелила себе на ночь. А мы с Ваней лежали в горнице и не спали.

Где-то за окном солдаты пели украинскую песню. А в воздухе разливался аромат цветов и зелени.

— Что ты делаешь? — спросил он.— Где работаешь?

— Я студент.

Он облокотился на руку и взглянул на меня с веселой улыбкой.

— Смотри-ка, мы... коллеги... Только я не сидел в аудитории уже три года.

— А я два.

— Очень любил я литературу,— заметил он вдруг.— Много читал... Анатоль Франс... Бальзак... Мопассан... Знаешь их?

— Кое-что.

И мы повели тихий разговор, потому что все окна были открыты в майскую ночь и потому что все вокруг нас спали, в том числе, наверное, и бабушка Кунцова. По крайней мере ее не было слышно.

Мы долго говорили о книгах, не о войне, а о книгах. Ваня знал литературу лучше, чем я. Но усталость брала свое, и он отвечал все реже и реже.

И тут я, лежа на своей кровати, снова обратился к нему:

— Ваня, может, ты все же ляжешь в свою кровать?

Но Ваня уже спал... Он, проведший свою машину по тысячам километров фронтовых дорог, спал на полу, тихо, без движения, как спит камень или глубокая вода, а я лежал в мягкой постели. И тут я понял его: в перинах он бы не уснул. Ему представлялись бы мать, отец, сестры и их белая низенькая хата, в которой они ждут его. А он должен был спать.

Не было еще часа пополуночи, когда Ваня зашевелился, поднес часы к глазам, свернул плащ-палатку и бесшумно подошел к низкому окну. Он осторожно снял с подоконника цветы, которые дышали ночной прохладой, поставил их в сторонку на пол и ловко выпрыгнул на улицу.

Светил месяц, и я, лежа в кровати, видел, как он перешел на противоположную сторону улички. Затем я слышал только его шаги.

На полу, у стены, где он спал, лежала банка мясных консервов.

Больше мы никогда с ним не виделись.

Перевела с чешского Т. Миронова.

М. Клионский. НАРОДНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ. 1905 год.

Центральный музей Революции СССР.

Ю. Виноградов. БАРРИКАДЫ В СОРМОВЕ. 1905 год.

М. Греков. ТАЧАНКА.

М. Соколов. АРЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ПЕТРОГРАД. 1917 год.

Центральный музей Революции СССР.

КРУГ ДЕПУТАТСКИХ ЗАБОТ

Станислав Михайлович Янчевский. Фото И. Абрамовича.

Сегодня у него прием избирателей. В такие дни в десять утра он приходит в депутатскую комнату в горисполкоме. На нем строгий черный костюм, на лацкане — значок депутата Верховного Совета СССР.

Он садится за стол и открывает толстый журнал. В него вписывает все: кто приходит на прием и с чем, что он намечает сделать по предложению, просьбе, жалобе — куда написать, позвонить, с кем посоветоваться? И еще пишет, чем и как в итоге заканчивается его вмешательство, участие. Прием у него — два раза в месяц по пятницам.

Теперь представлю его. Станислав Михайлович Янчевский — бригадир шахтеров комбината «Беларуськалий». Работает во втором рудоуправлении. В Солигорск приехал в 1962 году. Приехал из Казахстана искать работу «по себе». А до этого он, парень из-под Могилева, окончил Могилевский строительный техникум и получил назначение в отдел капитального строительства горисполкома. Там заскучал от канцелярской работы и уехал в Казахстан. Когда узнал, что заложили Солигорск, вернулся в Белоруссию.

Был в бригаде у Героя Социалистического Труда Виктора Бабича, бригада поставила мировой рекорд проходки. Вместо шестисот — семисот метров в месяц, что считалось нормой, три тысячи сто девять.

Потом он сам возглавил бригаду. В числе первых испытывал с ней комбайн ПК-8, а сейчас испытывает автоматическую систему управления комбайном. Причем испытания не снимают с бригады ни тонны плановой руды. Более того, бригада все время перевыполняет план. За прошлый год добыли тридцать пять тысяч тонн сильвинита сверх плана. А с начала пятилетки — почти 85 тысяч тонн.

Недавно бригадиру Станиславу Янчевскому вручили орден Ленина.

...Много забот у депутата Верховного Совета СССР. О них, о депутатских заботах, слово самому Станиславу Михайловичу.

Дважды в месяц ко мне на прием приходят и приезжают избиратели из нескольких сельских районов, из поселков и двух городов. Разные люди. С разным идут они ко мне. И самая большая моя забота — не уронить авторитет депутата. А держать его высоко и твердо можно лишь одним — делами. Их много. Всяких. Более или менее трудоемких. Более или менее острых. Отношения все они требуют одинакового — заинтересованного, добросовестного, принципиального.

Я часто выступаю в своем городе. В разных аудиториях. Перед депутатами городского и районного Советов, перед рабочими, школьниками. Рассказываю о том, как работает Верховный Совет СССР, чем заняты мы, депутаты, на сессиях и между ними. В таких выступлениях я вижу свой депутатский долг, вижу одну из форм воспитания людей, одну из форм пропаганды нашего образа жизни, нашей демократии.

Мне есть о чем рассказать.

Избранный членом постоянной комиссии Совета Союза по здравоохранению и социальному обеспечению, я сперва плохо представлял себе, чем смогу быть полезным в комиссии. Там крупные ученые, специалисты-медики... А я рабочий. Сомнения, однако, рассеялись, когда мне поручили участвовать в подготовке вопроса об улучшении условий труда в угольных шахтах. Изучил документы. Да и шахты наши не так уж сильно от угольных отличаются. Ну, и, пользуясь случаем, решил поделиться с членами комиссии тем, что наболело у меня, жителя горняцкого города. И не у одного меня.

Мои соображения были учтены в заключении комиссии, рекомендованном соответствующим министерствам, научно-исследовательским институтам, профсоюзным организациям. К тому же я передал в комиссию просьбу рассмотреть положение с медицинскими учреждениями в Солигорске. Дело обернулось сложным продолжением.

Солигорск растет очень бурно, но развитие города идет негармонично. Не хватает, в частности, медицинских учреждений, нужна новая больница. А построить ее оказалось делом не простым. И вот почему.

В своеобразном, я бы сказал, даже ненормальном положении находятся города вроде Солигорска. Возникая как поселки возле строящихся на пустом месте заводов, комбинатов, электростанций, они никак не могут обрести все права гражданства, потому что приписаны к министерствам, с чьими предприятиями связано рождение города. А министерства, как правило, сворачивают свои хлопоты о поселке по мере его роста и превращения в город. Министерство интересуется делами предприятия, выполнением планов, техническим оснащением, кадрами, а беспокоиться о зеленых насаждениях на улицах, о развитии городского транспорта, о дошкольных учреждениях?.. Это же не входит в оценку работы министерства, за это с него не спрашивают. Республика же или область не может, оказывается, полностью содержать город, потому что он приписан к союзному министерству. Но проблемы-то возникают и остаются. От таких, например, как машины для уборки улиц, до таких, как строительство Дома пионеров или универмага,— кто их построит? А кто позаботится о специалисте для зеленхоза? Кто удовлетворит насущные нужды городского транспорта?

Между прочим, на этом примере я хотел бы подчеркнуть такую мысль: мы — я имею в виду не только депутатов — слишком много времени тратим на то, чем могли бы не заниматься, если бы не странная «узаконенность» некоторых проблем, проблем, которых не должно существовать при четко продуманной взаимосвязи разных ведомств, организаций. Несколько лет назад, к слову, «Огонек» писал об этом. Однако Солигорск до сих пор остается «ничейным» городом...

Вот так возникли сложности. Они и побудили меня искать встречи с главой Советского правительства.

Во время одной из сессий Верховного Совета СССР я встретился с Алексеем Николаевичем Косыгиным, изложил ему все свои заботы о строительстве больницы, рассказал и о неправомерном, на наш взгляд, сокращении Министерством химической промышленности СССР ассигнований на жилье в Солигорске и насчет автомашин, тракторов, которыми мы пользуемся под землей, но парк которых никто не хочет пополнять. Я сказал товарищу Косыгину, что калийщики просят его вмешаться и повлиять на руководителей министерства.

Председатель Совета Министров заверил меня, что даст поручение разобраться в существе наших просьб и принять меры, чтобы помочь Солигорску.

Очень скоро у нас начали строить новый больничный комплекс. Часть вложений сделала республика, часть — Министерство химической промышленности СССР. Были пересмотрены и увеличены ассигнования на жилье в городе. А наш подземный машинный парк пополнился и автомобилями и тракторами. Признаюсь: я испытал огромное удовлетворение от того, что выполнил свой депутатский долг.

Депутатский долг... Он напоминает о себе каждый день. Письмами, звонками, даже случайными встречами на улице. Подобных напоминаний все больше и больше. И хорошо! Значит, я нужен, раз ко мне обращаются. Значит, мне по-настоящему доверяют.

Я многому научился, выполняя обязанности депутата. Самое главное, научился быть нужным людям. И постоянно учусь принимать такие решения, которые убеждали бы моих сограждан в том, как сильна и крепка наша народная власть.

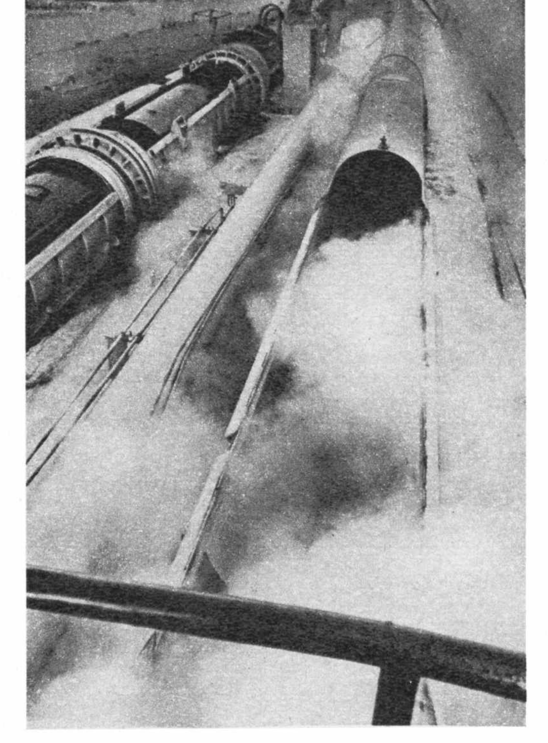
С. ЯНЧЕВСКИЙ,
депутат Верховного Совета СССР,
бригадир шахтеров
комбината «Беларуськалий»

Солигорск.

СТРАНИЦЫ РЕПОРТЕРСКОГО БЛОКНОТА

В ПУТЬ — ПО ТРУБАМ

Б. СМИРНОВ

Воздушная магистраль.

Фото Г. Макарова.

— Пуск!

Это уже второй пуск, который я вижу за сегодняшний день, но разглядеть его в деталях опять не удается. Мы находимся под Москвой, близ Раменского, на полигоне специального конструкторского бюро «Газстроймашина» Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Стоим на невысоком металлическом мостике, прямо над толстыми стальными трубами, уложенными длинными нитками метров по сто каждая. Несколько метров одной из труб как бы срезаны, располовинены, превращены в желоб. Вот на этот-то желоб мы и смотрим, стараясь не пропустить самое интересное, но уж очень быстро все происходит — не уследишь. Сначала, после команды «пуск», где-то за спиной, у конца труб, раздается нечто вроде глухого взрыва, слышен свист сжатого воздуха. В тот же миг в трубе возникает быстро нарастающий гул, а из желоба, за которым мы следим, вырывается пыльно-белое облако. И в этом облаке по желобу с воем проносится какой-то длинный цилиндрический предмет — то ли снаряд, то ли торпеда. Гул удаляется, у противоположного конца труб слышится еще один взрыв — хлопок, и все смолкает.

— Вы видели сейчас в действии трубопроводный контейнерный пневматический транспорт,— рассказывает начальник отдела СКБ Вадим Яковлевич Припадчев.— Установка эта экспериментальная, но выполнена в натуральную величину: труба диаметром один и две десятых метра, контейнер, который в ней перемещается, весит две с половиной тонны и может принять семь — девять тонн груза. Давление воздуха в трубе, достаточное для передвижения контейнера, небольшое — две сотых атмосферы. Скорость, с которой он движется, равна двадцати двум метрам в секунду — почти восемьдесят километров в час. Повторяю, здесь вы видите экспериментальную установку, а настоящий трубопровод, построенный по разработанному нами методу, сможет доставить груз в принципе на любое расстояние...

Итак, пневматический труботранспорт. Что это, новый способ передвижения? Скорее возрожденный: еще сто лет назад инженеры многих стран пытались перемещать по трубам с помощью сжатого или разреженного воздуха различные предметы. Но подобная транспортировка обходилась тогда слишком дорого. Сейчас, при современном развитии техники, сжатый воздух стал уже не самым дорогим, а чуть ли не самым дешевым «двигателем». Пневмотрубопровод, как считается, сможет решить сразу много проблем: территориальную (трубы лежат под землей, никому не мешают), проблему загрязнения атмосферы, шума, безопасности, независимости от погоды... В нашей стране его возможности изучаются особенно пристально в течение нескольких последних лет. В Грузии, недалеко от Тбилиси, уже работает одна из таких систем под названием «Транспрогресс»: там щебень по двухкилометровым трубам доставляется в контейнерных поездах из карьера на железобетонный завод. Кстати, лицензию на использование системы «Транспрогресс» уже купили крупные японские фирмы, ведутся переговоры с деловыми кругами нескольких других стран: факт, свидетельствующий о приоритете советских ученых, инженеров в создании пневмотрубопроводного транспорта. Но проблема полностью еще не решена. Вот почему продолжаются испытания на полигоне близ Раменского.

— Давайте представим, что контейнер с песком, который только что прошел мимо нас, сейчас разгружается,— продолжал свои объяснения Вадим Яковлевич,— а в это время по той же трубе мы можем пропустить в обратную сторону другой, уже пустой контейнер. Для такого маневра нужны стрелочные переводы, как на железной дороге. Только наши «стрелки» — это подвижные секции труб, которые можно перемещать в ту или иную сторону. Смотрите, вот включилась такая «стрелка»...

Казалось, кто-то наводит на нас гигантский бинокль — это невдалеке приподнялись над землей и сместились метра на полтора в сторону две спаренные секции труб. Прервалась одна «нитка» трубопровода, зато сращена другая. В самом деле, очень похоже на то, как на железной дороге стрелки соединяют и разъединяют пути.

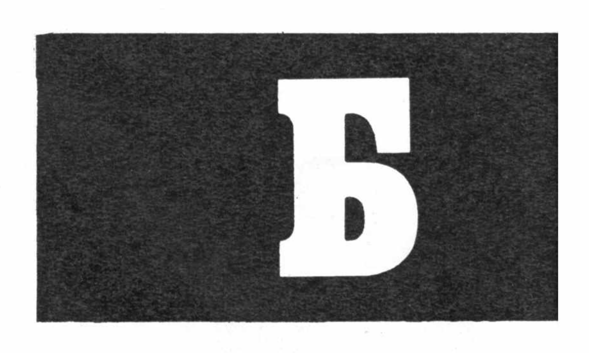
— Сколько людей должно обслуживать трубопровод?

— На промышленной установке будут заняты двое — оператор и дежурный механик. Ручной труд здесь полностью исключается, все процессы — от погрузки контейнера до разгрузки — должны быть автоматизированы. Трубопроводы позволят сэкономить на перевозках грузов не только значительное количество топлива, не только отказаться от самосвалов и других машин, но и высвободят десятки рук, избавят людей от непроизводительной и тяжелой работы...

Когда испытания закончились, мы пошли в «депо», чтобы разглядеть контейнеры поближе. Впрочем, разглядывать особенно было нечего: конструкция контейнера настолько проста, что рядом с ним обычный велосипед выглядел бы сложным механизмом. В трубе-желобе лежал большой стальной цилиндр. Вырез — люк для засыпки грузов. По торцам — уплотнительные манжеты и буферные устройства. По трубе одновременно может идти целый поезд таких контейнеров, перевозя самые различные грузы: щебень, песок, руду, строительные материалы, мусор. Причем люки в контейнерах не надо закрывать — как показали испытания, даже сухой песок практически не выветривается из них на любой скорости.

— Конструктивно наши контейнеры отличаются от тех, которые работают в Грузии,— продолжал Припадчев.— А сейчас мы испытываем еще один вид трубопроводного пневмотранспорта. Вот контейнер, конструкция которого разрабатывалась по предложению нашего сотрудника, кандидата технических наук Н. Я. Кершенбаума. Видите, вдоль корпуса расположены две уплотнительные манжеты. Воздух нагнетается снизу, и контейнер в трубе немного приподнимается, как бы подвешивается за счет разницы в давлении. Теперь даже небольшого усилия достаточно, чтобы заставить двигаться целый контейнерный состав с высокой скоростью. В лаборатории полигона сейчас создается эластичный трубопровод. Возможности его применения многообещающи. Например, на целинных землях, во время распутицы, такая труба раскатывается, как пожарный шланг, от совхозного тока до элеватора — на десятки километров, через болота, реки, озера — и контейнеры бесперебойно начинают доставлять зерно. Закончилась уборка — сворачивается и трубопровод...

Да, будущее такого транспорта выглядит очень заманчиво. Работами ученых заинтересовались наши ведущие планирующие организации, многие предприятия уже просят создать проекты пневмотрубопроводов для их нужд. В Дзержинске, недалеко от Горького, намечено строительство такой «воздушной» дороги длиной в семь километров от берега Оки до железобетонного завода. Предполагается построить трубопроводы в Ленинграде для вывозки мусора. В перспективе возможно создание подобного пассажирского экспресса. Да мало ли найдется сфер применения этому экономичному, удобному и надежному виду транспорта!

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

ПОГОВОРИМ О «БЛАГОПОЛУЧНЫХ»

Шоферы. Радиотехники. Бухгалтеры. Слесари. Продавцы. Парикмахеры. Повар. Фельдшерица. Фотограф. Преподавательница музыки. Наконец, пенсионеры.

Вот о чьих безрадостных судьбах уже рассказано на этих страницах. Что ж, может быть, эти люди представляют не столь уж дефицитные для израильского государства профессии? Вероятно, людей других — более редких и значительных — профессий и специальностей в Израиле встречают приветливо и радушно.

Предположение небезосновательное. Не говоря уже о родственниках богатых предпринимателей, финансовых воротил и крупных чиновников, израильские власти и организации предупредительно встречают специалистов определенных отраслей.

Людям таких профессий сравнительно быстро дают работу по специальности. Их стараются обеспечить неплохой зарплатой и приличными квартирами. В среде олим их называют «благополучными».

Почему же многие из «благополучных» тоже стремятся при первой возможности покинуть Израиль?

Передо мной текст в несколько десятков страниц, исписанных четким, размеренным почерком методичного, привыкшего к порядку и аккуратности человека. Слог, как читатель сможет убедиться, логичный, последовательный, доказательный. Местами, правда, проскальзывают повторы, описки, помарки. Это можно понять: письмо написано, как говорится, в один присест, без черновиков. Именно так пишут исповедь.

Ее автор — кандидат наук, ранее работавший преподавателем в одном из крупных советских вузов, где вскоре должен был защищать докторскую диссертацию. Сравнительно недавно вышедший из комсомольского возраста, этот ученый уже имел несколько опубликованных научных работ. Мне придется назвать его Евсеем Михайловичем Рубинштейном, чтобы уберечь от расправы в Израиле, где он пока еще вынужден находиться.

Евсей Михайлович поверил националистической пропаганде Израиля. Он решил, что обязан помочь еврейскому народу строить свое государство. Нет, он не задумывался над тем, каков строй и общественный уклад этого государства. У него было искреннее желание «строить и созидать» молодую страну.

В Израиле Рубинштейну дали преподаватель-

Окончание. См. «Огонек» №№ 14—18 за 1974 год.

Ы В Ш И Е

скую работу в одном из крупнейших учебных заведений страны. Материально он вполне обеспечен. Но...

«Израиль, стремясь к материальному развитию, утратил, как мне кажется, большую часть духовных и моральных ценностей. Развиваясь по чисто западному образцу, он унаследовал нравственный маразм капиталистического общества и его извращенную демократию».

Вот из чего исходил молодой ученый, сделав свои грустные выводы:

«Страсть к наживе вместе с правопорядком — все позволено! — задушила общественную совесть и духовные идеалы. Она стала основным содержанием человеческой деятельности и главным критерием взаимоотношений. С точки зрения западного общества такое положение естественно. Мое же поколение, выросшее при социализме, вообще не знакомо на практике с самой сущностью понятия «капитал», с его мертвой хваткой. И в этом, как мне кажется, наше большое счастье, ибо критерии советских людей стоят на подлинно гуманистической основе. Это то, что делает нашу родину самой здоровой в этом мире. Моему соотечественнику крайне трудно выжить в обществе с иной социальной структурой. Он будет неизбежно травмирован и уничтожен жестокой действительностью и не найдет в ней привычной на его родине отзывчивости и ответственности за судьбу ближнего».

И налицо крах иллюзий, полнейшее разочарование:

«Я почувствовал, что мы — эмигранты, ибо потребительская психология израильского общества рассматривает новоприбывающего как неимущего, пришедшего стать конкурентом в общей борьбе за существование. Он не брат или сын, вернувшийся в свой национальный дом, а ЧУЖАК, предмет равнодушия, а иногда и злобы. Он одинок и выброшен из жизни».

Если никому не нужным чужаком ощутил себя иммигрант материально обеспеченный, продолжающий свою любимую работу, окруженный вниманием как ценный специалист, то еще понятнее и ощутимее становится горький крах надежд, потянувших в Израиль людей массовых профессий, людей, о незначительной части которых поименно говорилось выше.

Рубинштейн обратился в советские органы с просьбой простить ему ошибочный проступок и вернуть советское гражданство.

«Мне горько и тяжело, что я не нашел в Израиле ровно никакой потребности в моем физическом присутствии там, в моем желании строить и созидать, в моей человеческой индивидуальности и тех душевных силах, которые я готов был принести ему. Надежды и цель, которые я связывал с моим приездом в Израиль, оказались бессодержательными. Я почувствовал себя ЧУЖИМ и ненужным ему».

Отчего я столь пространно цитирую исповедь молодого научного работника? В значительной степени оттого, что почти те же мысли услышал от Моисея Матусовича Гитберга, специалиста по сталеварению, бывшего конструктора одного из исследовательских учреждений Днепропетровска.

Гитберг тоже получил работу по специальности в городе Кивоне, неподалеку от Хайфы. Зарплата и квартира его удовлетворяли. Из желания поскорее использовать высокую квалификацию Гитберга начальство допустило неслыханную поблажку: Моисея Матусовича освободили от изучения языка иврит в ульпане. Он знает только русский и немецкий языки, и некоторым его начальникам приходилось объясняться с конструктором через переводчика. Словом, вроде все хорошо. Но...

— В Израиле распадается дружба. Я там встретил нескольких знакомых. Казалось бы, на новом месте мы должны были теснее сблизиться. Нет, мы увидели друг в друге только конкурентов. И все время я ловил себя на мысли: а можно ли с ними откровенничать, не донесут ли они на меня? Это может показаться трагическим водевилем, но при первой размолвке один из них крикнул мне, что подозревает меня в доносительстве. Меня!.. Но вскоре я убедился: такова одна из норм жизни израильтян.

В отличие от многих бывших советских граждан,— продолжал Гитберг,— я хорошо переносил тамошний климат. Меня не заставляли, как других, немедленно изучать иврит. Намекали, что вскоре последует дальнейшее продвижение по службе. И все же я почувствовал, что если не покину Израиль, то способен наложить на себя руки. Ностальгия? Да, конечно. Тоска по сыну и жене? Безусловно. И все-таки первопричина в полнейшей невозможности приобщиться к чужому, вернее, к чуждому миру. Меня потрясло, что за несколько месяцев никто из семейных сослуживцев не попытался пригласить меня в гости. Да что там — в гости! Никто ни разу по душам не беседовал со мной. Одни только чисто служебные разговоры. Нет, иногда сослуживцы оживлялись при мысли, что я могу заподозрить их в недостаточной приверженности израильским идеалам. И, стараясь перещеголять друг друга, наперебой сыпали шовинистическими изречениями... Я чувствовал, как моему одиночеству сочувствуют некоторые рабочие, как им хочется от меня узнать правдивые подробности советской жизни. Но они не могли повлиять на мертвящий порядок, раз и навсегда заведенный фирмой... Только в Израиле я понял, что всем своим существом привык к бесчисленным драгоценным чертам советской жизни, которые на чужбине оказались необходимыми как воздух. Без них жить я уже не смогу! Никогда! Когда я заявил своему начальству, что покидаю Израиль, один из них рассерженно крикнул мне, что я отравлен советским образом жизни. Что ж, по-своему он прав...

Не привожу многих других высказываний Гитберга, ибо они совпадают с теми, что мы прочитали в исповеди Рубинштейна.

Обратимся к чете бывших киевлян Бравштейнов. По израильским понятиям это максимально благополучная семья олим: и муж и жена — инженеры-строители.

Борис Бравштейн, молодой и перспективный руководитель проектного бюро, сын и брат погибших на фронте участников Отечественной войны, уговорил жену уехать в Израиль. Уже впоследствии он понял, какую пагубную для него роль сыграло общение с гастролировавшими в Киеве тель-авивскими артистами и «случайные» встречи с туристами из государства Израиль. Расписывая рай на земле предков, они внушили Бравштейну, что он обязан жить и работать в еврейской стране.

И Борис с женой оставляют в Киеве родственников и вместе с детьми уезжают из СССР. Два года провели они в Израиле. Работу молодые инженеры получили приличную. У них была и хорошая по израильским понятиям квартира. Но с каждым днем супруги все явственней ощущали, что совершена большая ошибка, да только не решались признаться в этом друг другу. Но однажды в один из выходных дней супруги откровенно объяснились и бесповоротно решили: ошибка не должна стать роковой, надо покинуть Израиль!

Что их натолкнуло на такое решение? Чтобы ответить на этот вопрос, я воспользуюсь высказываниями Бориса Бравштейна в беседе с венскими журналистами, исключив те, что совпадают с признаниями кандидата наук Рубинштейна и конструктора Гитберга.

— Разве пойдет в горло кусок, когда знаешь, что приехавший вместе с нами из Советского Союза немолодой рабочий превратился в безработного и питается впроголодь. Безработный! До приезда в Израиль это было для нас отвлеченное понятие.

— Разве могли мы спокойно спать, когда нашу тяжело больную знакомую не взяли в госпиталь: у обнищавшей женщины не было денег на оплату лечения. Но это еще не предел бесчеловечного отношения к больным. Мы с женой видели больных детей, вышвырнутых из госпиталя после того, как их родители просрочили уплату денег за лечение.

— А могли мы безучастно наблюдать, как полицейские избивают инвалидов. Только за то, что они посмели протестовать против уменьшения размера пособий. А ведь инвалиды принадлежали к так называемым ватикам, коренным жителям Палестины, считающимся в Израиле привилегированными гражданами. Но так как они нищие и бессильные, их всячески третируют. Вот вам права человека по-израильски!

Вскоре жестокий уклад израильской жизни обрушился непосредственно на самих Бравштейнов. Их детей в школе отказались признать евреями и дали им кличку «необрезанных». Родители безуспешно обращались в различные мисрады, но им неизменно советовали подать прошение религиозным властям. Нетрудно представить, как встретили бы в раввинате мужа и жену, нарушивших обычаи святой веры. Детишкам же стало невмоготу посещать школу, их там высмеивали, травили. На своих ранцах и куртках они обнаруживали оскорбительные надписи. Счастливое детство, ничего не скажешь!

А тут еще Бравштейн с нескрываемой гордостью рассказал своим сослуживцам, что его брат в Киеве награжден орденом. Человек с израильским паспортом гордится таким братом? Кое-кто усмотрел в этом антиизраильские настроения. Последовали новые неприятности...

Думаю, перечисленного уже достаточно, чтобы понять, почему Борис Бравштейн заявил венским журналистам:

— Провести четыре месяца в Вене без постоянной работы, но в постоянном страхе перед провокациями сохнутовцев, не очень-то сладко. Однако эти четыре месяца показались мне курортом в сравнении с двухгодичной каторгой в Израиле. А ведь я так туда рвался — должен честно сказать об этом...

Еще одна «благополучная» чета — он, Федор Давидович Эдельсбург, работал в Киеве ведущим технологом одного из научно-исследовательских институтов, она, Анна Борисовна Теплицкая, получила в СССР высшее театральное образование.

Трудно, конечно, теперь поверить им, что, уезжая в Израиль, они заранее решили для себя: это, мол, не навсегда. Вряд ли научный работник и режиссер художественной самодеятельности не понимали, что с советским под-

данством нельзя играть в бирюльки. Но нельзя не поверить горестному признанию Теплицкой:

— От одного сознания, что нам придется до конца дней своих жить в Израиле, мы с мужем сошли бы с ума. Мы попали как бы на другую планету, где жестокость и равнодушие к судьбам окружающих стали нормой поведения. Чтобы каждодневно не сталкиваться с этим, надо жить в башне, совершенно отгородившись от людей. А израильская пресса много шумит о коммуникабельности. Теперь мы готовы рвать на себе волосы: ведь настоящую коммуникабельность ощущали в Киеве, в любом советском городе, куда случалось выезжать!.. Элементы единства в Израиле можно было заметить только среди рабочих. Но в их среду нам проникнуть было трудно — это вызвало бы подозрение начальства: семья деятеля науки, семья привилегированных «академаим» контактует с «простыми» рабочими! Да, если в человеке сохранились человеческие чувства, он поступится любой зарплатой, любыми бытовыми удобствами, но не станет жить в обстановке наисовременнейшей безнравственности и наидревнейшего шовинизма. Мы с мужем могли бы привести десятки аргументов нашего решения бежать из Израиля. Но я выражу все тремя словами: страшный образ жизни!

Моя собеседница доказательно воспроизвела приметы свойственной израильскому обществу «нехватки человечности», наличие которой в современном буржуазном мире признают сами западные философы. В Израиле — буржуазном государстве, формирующемся в лихорадочной обстановке провоцируемых им захватнических войн, нехватка человечности ощущается, видно, особенно остро. И я не удивился, когда Теплицкая закончила так:

— Там я поняла, как человечен Киев, самый родной мне город!

А мне после разговора с бывшей киевлянкой вспомнились чудесные стихи талантливого советского еврейского поэта-киевлянина Давида Гофштейна о своем городе, вспомнились строки, открывающие стихотворение «Киев»:

Родной до слез, родной до боли,
Тебя я вижу, город мой!..

Гофштейн писал это в 1943 году, когда его родной Киев изнывал под пятой гитлеровских захватчиков. Поэт обращался к советским воинам, сражавшимся на Днепре:

Умножьте грозные удары,
Чтобы днепровскую струю
Окрасить вражьей кровью ярой...

Вероятно, Теплицкая, бывшая актриса еврейского театра, знает замечательную поэзию Гофштейна, страстно ненавидевшего шовинизм и с подлинной нежностью воспевавшего братство народов. Знает, что из евреев-киевлян, покидавших родной город, поэт воспевал только тех, кто по зову сердца уезжал в таврические степи и дальневосточную тайгу хлебопашествовать и строить новые города. Напрасно Теплицкая не вспомнила чеканные строки поэта, когда задумала поменять советское гражданство на израильское. Может быть, ей с мужем не пришлось бы сейчас коротать тоскливые вечера в шумном городе на Дунае, где людям без родины так тяжело.

Не случайно инженер Злоцкий, взвешивая каждое слово, без ложной аффектации говорит:

— Знаете, если бы передо мной стоял выбор — смерть или возвращение в Израиль, я выбрал бы первое.

Эти слова убедительно венчают рассказ о «благополучных» олим.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЧУЖБИНА!

Изборожденные надолбами аллеи старого замка Шёнау мне довелось увидеть еще до того, как австрийское правительство официально заявило, что не желает иметь на своей территории пересыльный пункт для направляющихся в Израиль бывших советских граждан.

И я упоминаю об этом месте отнюдь не для того, чтобы живописно обрисовать ров с водой и мрачную ограду с колючей проволокой, опоясывающие заброшенный замок со столь поэтичным названием: «шёнау» означает «красивая лужайка». Не собираюсь описывать и многочисленную внешнюю и внутреннюю охрану: молодчиков в голубых армейских рубашках с автоматами через плечо и рациями на широких черных поясах.

В конце концов не столь уже важно, в каком именно месте содержит израильская администрация бывших советских граждан сразу же после того, как они покидают нашу землю,— в Шёнау или в другом пересыльном пункте. Важно другое: именно с пересыльного пункта, именуемого в обиходе «этапкой», начинается для них чужбина. Здесь они не только заполняют первые израильские анкеты. Здесь, за зарешеченными окнами, сквозь которые доносится глухой лай овчарок, представители израильского государства подвергают своих будущих подданных первому так называемому опросу (а точнее — допросу.). Многочасовому, пытливому, подробнейшему.

— Вопросы откровенно разведывательные,— рассказывает врач Любовь Ильинична Гордина, бывшая рижанка.— В каждом из нас стремились найти «информатора» или на худой конец клеветника. Даже от женщин, которые в противоположность Израилю не подлежат, как известно, в Советском Союзе призыву на военную службу, даже от женщин пытаются получить подробности о расположении советских воинских частей. А от мужчин требуют пространных письменных ответов на этот вопрос. Я слышала, как сохнутовец, который долго допрашивал молодого человека, проживавшего ранее на Украине, не мог скрыть своего большого раздражения: «Неужели ты в самом деле такой наивный? Неужели не мог сам сообразить, что нам нужны не твои клятвы!..»

С этим рассказом Гординой точно совпадают рассказы бывшего киевлянина Гольдинова, бывшего рижанина Мишуловина и других, хотя все они находились на пересыльном пункте не в одно и то же время да и допрашивали их не одни и те же инспектора.

Первому допросу (второй происходит уже на аэродроме Лод) сионистские руководители придают огромное значение: еще несколько часов тому назад человек находился на территории Советского Союза, он нервно возбужден, еще не вполне осознал то, что с ним произошло,— надо этим сполна воспользоваться! И на каждого, кто переступил порог изолированного от внешнего мира пересыльного пункта, обрушивается нескончаемый поток вопросов:

— Есть ли среди ваших знакомых в Советском Союзе люди, работающие над новыми изобретениями и научными открытиями? Знаете ли вы их точный адрес? Как, по-вашему, можно побудить их к выезду в Израиль?

— Кому из ваших родственников и знакомых следует поскорее организовать вызов?

— Кто из ваших знакомых, уехавших или собирающихся в Израиль, настроен не вполне сионистски? Кто, по-вашему, уехал не по собственному желанию? За кем из них надо в Израиле особенно присматривать?

А если допрашиваемый пытается уйти от ответа на подобные провокационные вопросы, ему многозначительно напоминают:

— Ваша щепетильность совсем не к месту. Вам надо не отмалчиваться, а говорить. Говорить!

Я озаглавил эту главу «С чего начинается чужбина?». Но сейчас, вспоминая многочисленные рассказы о допросах на пересыльных пунктах, понял, что для кое-кого из бывших советских граждан там начинается не только чужбина, но попросту вражеский стан. Некоторые из тех, кто покинул Советскую страну во имя сионистских «идеалов», сейчас вынуждены признать, что эти идеалы их израильские собратья рассматривают прежде всего как антисоветизм.

Стремясь сразу же заработать политический капитал и потрафить требовательным сохнутовцам, кое-кто выступает в роли импортера «литературной сенсации». Правда, большей частью охота за сенсациями заканчивается конфузом.

Так, например, некий Цви Кармаль, ныне проживающий в израильском городе Натанье, поспешил объявить, что один крупнейший советский поэт лично вручил ему для опубликования в Израиле свое новое стихотворение о тяжелом положении евреев в Советской стране. Израильская пресса поспешила сообщить, как подлинный израильский патриот Кармаль, предвидя таможенный досмотр, предусмотрительно уничтожил рукопись и выучил запрещенные стихи наизусть. Стихотворение было опубликовано с многозначительным примечанием насчет того, почему приходится скрыть подлинное имя автора. Строки из стихотворения незамедлительно были процитированы в нескольких антисоветских радиопередачах. А через несколько дней пресса вынуждена была конфузливо извиниться перед читателями за «неточность». Оказывается, «запрещенное произведение крупнейшего советского поэта» — это стихотворение дореволюционного русского поэта Семена Надсона «Я рос тебе чужим...». Впервые опубликованное в 1901 году, оно, конечно, включается и в советские публикации надсоновских стихов.

Покамест на пересыльном пункте комплектуется очередная группа для отправки «по этапу» на аэродром Лод, сохнутовская агентура пытается любым способом отрезать бывшим советским гражданам путь назад. И прежде всего стремится получить от них хоть какое-нибудь собственноручно подписанное высказывание антисоветского характера.

Тут на помощь израильской агентуре любезно приходит клеветническая продукция человека без родины Солженицына, издаваемая на русском языке зарубежным антисоветским отребьем.

Молодчик с пистолетом, выполнявший на пересыльном пункте Шёнау обязанности «библиотекаря», доверительно сказал Гиршу Майману:

— Я дам вам вне очереди новую книгу Солженицына. Понимаете, вне очереди! А вы хотя бы коротенько напишите по-русски, какое впечатление она произвела на вас. Не бойтесь, эти отзывы нужны только издательству и только для статистики.

— Я видел,— рассказывает Майман,— как бережно прятали в сейф эти «читательские отклики» на книги, которые вовсе не надо было всучивать «вне очереди», ибо на пересыльном пункте солженицынские «произведения» были сложены целыми штабелями. Мне это вскоре вспомнилось в Израиле. Там одному бывшему киевлянину предложили написать в сионистскую газету, что клеветнические кинокадры, вмонтированные в телевизионную передачу о Солженицыне, якобы были документальны. А в действительности это были отрывки из антисоветских кинофильмов, состряпанных за рубежом по мотивам солженицынских писаний.

Тех, кто содержался на пересыльном пункте, провоцировали не только с помощью солженицынских «произведений». Для людей, причастных к искусству, использовалась еще соседствующая с замком «картинная галерея» из двух приземистых комнатушек, выбеленных на складской лад грубой известкой. В этом, с позволения сказать, выставочном зале периодически экспонируется творчество «абстракционистов», настолько отъявленных и вместе с тем безвестных, что в городских картинных галереях их произведения не находят приюта хотя бы на день.

И вот сюда организованно приводили «экскурсантов» из замка, а после пятиминутного «осмотра» «экспозиции» просили отразить свое впечатление в книге отзывов.

Я видел эти записи. Их немного. Но почти в каждой — восторженное упоминание о «современном искусстве в свободном мире».

Один из благодарственных отзывов подписан неким Нолиным, назвавшим себя скульптором. Правда, потом я так и не нашел этого имени в многочисленных каталогах произведений советской скульптуры. Зато узнал от беженцев из израильского города Хайфы, как «свободный мир» встретил упомянутого Нолина: когда он заговорил о скульптуре, его тотчас же прервали и предложили заняться раскрашиванием рекламных макетов.

Прощаясь со знакомыми, покидавшими Израиль, Нолин грустно вздохнул:

— Мне-то уже придется коротать свой век здесь. У вас есть хоть какая-то надежда на прощение Советского государства. А я как одержимый сразу же по приезде сюда с готовностью подтверждал израильским репортерам любую небылицу о советском искусстве. Вы же знаете, чем бессмысленней небылица, тем охотней здесь ее печатают. Разве же смею просить я о возвращении советского гражданства — мне сейчас же напомнят мою клевету!

Первым делом, впрочем, напомнят это Нолину израильские власти, если он только заикнется о желании покинуть страну. Напомнят и о записи в книге отзывов картинной галереи близ Шёнау. И даже покажут для вящего эффекта фотокопию этой самой записи.

Не случайно седобородый и немногословный смотритель галереи, заметив, что, знакомясь с книгой отзывов, я пользуюсь только

ручкой и блокнотом, любезно посоветовал мне:

— Вы лучше сфотографируйте, мои соседи из замка делают только так...

От одного из беженцев, рассказавших мне о запоздалых признаниях Нолина, я услышал:

— А какая, собственно, разница между ним и мной? Я, правда, не давал израильским репортерам антисоветских интервью. Но я тоже забыл, что Советская страна сделала меня человеком. Мои родители влачили бесправное существование в черте оседлости царских времен, а я стал специалистом с высшим образованием. И забыл об этом, да и не только об этом!

Второй сказал:

— Когда гитлеровцы сжигали евреев в печах концлагерей, незнакомая белорусская семья спасла моих родителей. А потом русские люди эвакуировали их подальше от фронтовой полосы, в Узбекистан. Мать мне рассказывала, как тепло заботились о них там. А я...

Третьей мешали говорить слезы:

— Недавно моя дочь вспомнила, как в детстве провела сказочный месяц в Артеке. Разве только это я забыла! Боже мой, сколько хорошего я забыла с той минуты, когда решила покинуть землю, где узнала это хорошее!..

«— Как я мог забыть?!»

Люди разного возраста, разных профессий, покинувшие разные уголки советской земли, взволнованно повторяют сейчас на все лады эту фразу. Не удивительно: израильский образ жизни на каждом шагу напоминал им о том, что они смогли, вернее, посмели забыть. Вот один из сотен, из тысяч таких примеров...

— На улице оборвался электрический провод,— рассказывает Владимир Рейзин.— На моих глазах наземь упал человек, сраженный током. Я не знал, где ближайший телефон, и беспомощно озирался вокруг. Толпа, окружившая вначале пострадавшего, быстро стала редеть. Я крикнул: «Почему не вызывают врача?» И мне деловито объяснили: надо, мол, сперва осмотреть карманы этого человека, есть ли там деньги или на худой конец солидные документы. Я не понял, о каких документах может идти сейчас речь. И мне подсказали: речь идет о документах, подтверждающих, что этот человек сможет оплатить оказанную ему медицинскую помощь. Я разъяренно крикнул: «О чем вы думаете? Человек может погибнуть!» И услышал насмешливый ответ: «Если ты банкир, вызывай врача — сам ему и заплатишь!» Когда я рассказал своей семье об этом жутком случае, все стали припоминать, сколько раз многих из нас и наших родственников когда-то бесплатно лечили в больницах и санаториях, сколько раз врач по первому вызову приезжал на дом и днем и ночью, сколько раз... Ах, сейчас уже поздно перечислять! Сейчас в мыслях одно: как я мог забыть об этом, забыть даже на минуту! Как я мог забыть?!

Немало подобных признаний и сожалений довелось выслушать мне от бежавших из Израиля бывших советских граждан. И, вспоминая детали и подробности их повествований, отчетливо вижу, что чужбина началась для них не с пересыльного пункта.

Она началась с черной неблагодарности братской семье советских народов. С предательски закравшейся в сердце гаденькой мыслишки насчет «второй родины». С непростительного забвения того, что по-матерински сделала для них родная земля. Такое забвение — первая грань падения, приведшего их к страшной судьбе, к тому, что ныне они бывшие граждане Советского государства.

ХУЖЕ СМЕРТИ

Бывшие!

Не слишком ли часто встречается это слово в моих документальных записях?

Нет, только оно способно точно и бескомпромиссно охарактеризовать судьбу людей, уехавших из Советского Союза в Израиль. И хотя те, о ком я рассказал, не пожелали стать израильскими гражданами, воочию убедившись, что попали на чужую землю, к чужим людям, в чужую общественную среду, словом, на чужбину, но они все равно бывшие — в самом беспощадном смысле этого слова.

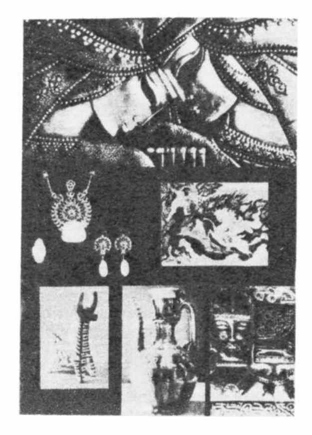
Они были людьми с большими правами и безграничными перспективами. Перед ними были открыты широкие дороги, а очутились они в беспросветном тупике. Они были уверены в будущем своих детей, а сейчас не вправе открыто глянуть им в глаза, ибо в ответ встречают взгляд, полный осуждения.

Но, поглощенные собственными бедами, они все же не могут не думать и о тех, в чье нутро только начинает проникать ядовитая червоточина сионистской пропаганды, о тех, кто еще пока стоит на грани рокового шага.

Вот почему эти записи, в которых я ни единым словом не погрешил против истины, я обязан закончить словами одного из самых молчаливых и сосредоточенных обитателей печального дома на Мальцгассе — инженера Зильберфайна. Он обычно молчит, даже когда вокруг слышатся омытые слезой воспоминания об Одессе, которую Зильберфайн сейчас по собственной вине не смеет уже называть родной. И именно этот человек сказал:

— Хочется крикнуть во весь голос, крикнуть так, чтобы услышал каждый, кто ночами жадно приникает к радиоприемнику и ловит лживый «Голос Израиля», несущий столько горя! Хочется крикнуть: люди, не повторяйте нашей страшной ошибки — она может оказаться неисправимой! Люди, стать бывшим гражданином Советской Родины — это хуже смерти!

ДОМ КРАСОТЫ

Обычно мы приходим на выставку, чтобы полюбоваться произведениями искусства, унести с собой светлое чувство приобщения к прекрасному. Но осмотр окончен, и нужно расставаться...

В Москве есть дом, войдя в который можно не только посмотреть картины живописцев, изысканные миниатюры палешан или федоскинцев, изделия художников-ювелиров, чеканщиков, ткачей, эстампы и вышивки. Отсюда можно навсегда перенести частицу красоты в свою квартиру.

Здесь стенды-витрины светлых залов заполнены художественными изделиями из керамики, дерева, металла, тисненой кожи. Каждый экспонат — авторское произведение, поэтому на этикетках, как и на всякой художественной выставке, можно прочесть имя исполнителя. Вместе с тем этикетка — контрольный торговый талон, на котором проставлена цена произведения; ведь дом, о котором мы рассказываем,— художественный салон: выставочное помещение и одновременно магазин.

Приобретенные здесь вещи не знают старости и способны постепенно раскрывать таящиеся в них запасы прекрасного. Они не просто радуют глаз, не просто украшают, но, главное, прививают вкус.

Один мой знакомый купил как-то пушистый ковер-лижник, какие испокон веков делают западноукраинские мастерицы. Принес его в свою квартиру, положил на предназначенное место. И сразу стало видно, что некоторые вещи в комнате дисгармоничны по цвету, что диван и кресла лучше бы переместить, а некоторые предметы вообще лишние. Удивительная покупка, войдя в интерьер, постепенно, исподволь заставила моего знакомого кое-что изменить в обстановке. От этого квартира только выиграла, стала более красивой.

Закономерность понятна: ведь над каждой вещью, которая попадает в художественный салон, работали талантливые руки мастера, художника, они вложили в произведение все свое умение, вдохнули в него живую душу таланта.

Эти люди живут в самых разных местах нашей громадной страны. В Прибалтике и Закавказье, под Пензой и на Украине, в Средней Азии и в Крыму. Это и члены Союза художников СССР и мастера местных промыслов, работающие в традициях народного творчества, которыми так богаты все наши союзные республики. Поэтому необычный магазин и называется Центральный салон Художественного фонда СССР. И если, купив здесь керамическое узбекское блюдо, вы обнаружите три не покрытые глазурью точки, не думайте, что это брак. Народный мастер и сегодня работает так же, как его деды и прадеды: на снятое с гончарного круга блюдо («косу» — называется оно в Средней Азии) ставится керамическая тренога, на нее следующее блюдо, и так далее. После глазурования такая стопка идет на обжиг. Вроде бы технология несовершенная, зато сохраняется в ней живая теплота ручного творчества. И этим теплом наполняется потом наш дом, каждый день нашей жизни, ведь народное искусство питается от глубинных источников тысячелетиями выверенной красоты.

Чтобы собрать экспонаты-товары, работники художественного салона отправляются в командировки во все концы страны, в города и аулы, в деревни и села. Они знакомятся на местах с образцами творчества мастеров и художников и заключают с ними договоры. Специально для художественного салона делаются небольшие партии авторских произведений, а очень часто и уникальные, так называемые «престижные» вещи, в которые художники особенно щедро вкладывают свое умение, фантазию и вдохновение.

Одна за другой проходят выставки-продажи. Посетители восхищаются грузинской чеканкой, созданной прославленными мастерами-виртуозами К. Гурули и И. Очиаури; работами прибалтийских ткачей, ювелиров, резчиков по дереву, мастеров тиснения по коже; произведениями загорских живописцев. Сюда можно прийти для того, чтобы сделать покупку или просто полюбоваться, проверить свой вкус. Когда появится возможность что-то приобрести, вы уже не ошибетесь!

Хорошие деловые связи у салона и с социалистическими странами: на стендах часто можно увидеть произведения декоративно-прикладного и народного искусства Венгрии, Чехословакии, Болгарии.

Скоро откроется очередная выставка. На этот раз залы займут игрушки: дымковские «барыни», филимоновские петухи, бараны, всадники, богородские деревянные некрашеные фигурки (богородское «белье», как называли их когда-то в России), расписные загорские матрешки и богатыри, соломенные куклы из Белоруссии, глиняные драконы и козлы из среднеазиатских аулов. Работники салона, молодой коллектив энтузиастов — продавцы, товароведы, искусствоведы,— уже сегодня думают над тем, как достойно представить всех игрушечников нашей большой, богатой талантами страны.

— Мы хотим,— говорит директор салона Евгений Анатольевич Иванов,— чтобы очередная выставка-продажа стала красочным праздником игрушки. Приглашаем на этот праздник и наших постоянных покупателей и тех, кто придет сюда впервые.

Если вы еще не были в этом магазине, посмотрите на красочную последнюю обложку «Огонька», и вы сможете представить, чем встретят посетителей витрины и стенды Центрального салона Художественного фонда СССР.

Не правда ли, богатый выбор красивых, высокого вкуса вещей?

Эльвира ПОПОВА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

НЕ ТА ОСЕНЬ

— На ковер вызываются Щенов и Юдицкий! — объявил судья.

Борцы обменялись рукопожатиями и принялись сжимать друг друга в объятиях.

На третьей минуте Юдицкий вдруг пристально посмотрел в лицо сопернику и, отдуваясь, задумчиво сказал:

— Что-то мне ваше лицо знакомо...

— Мне тоже... — запинаясь, ответил Щенов, — кажется, что я вас... где-то видел...

— Вы не бывали у Александровых? — обхватив ногу противника, полюбопытствовал Юдицкий.

— Нет, — подрыгал ногой Щенов. Он вывернулся из объятий соперника и, зажав под мышкой его голову, в свою очередь, поинтересовался:

— А вы в НИИУКРОПе никогда не работали?

— Извините, не приходилось, — галантно прохрипел Юдицкий.

На пятой минуте Щенов, лежа на животе, вспомнил:

— По-моему, мы встречались с вами в Кисловодске! Вы не отдыхали в санатории «Крепость»?

Юдицкий, сидевший на спине противника, подскочил в восторге:

— Ну, конечно! Как я сразу не вспомнил! Ведь я вас именно там видел! Была осень...

— Прекрасное место для отдыха, — выползая из-под Юдицкого, мечтательно произнес Щенов.

— Вы имеете в виду Кисловодск? — спросил соперник. Голос его потеплел. — Чудесный город! И санаторий неплохой. Помните, как там кормили?..

— Еще бы! Такое не забывается.. А помните вечера отдыха?

— М-да, — размяк Юдицкий. — А экскурсия?! Помните, Замок Коварства и Любви?.. Извините, я вас сейчас за ногу ухвачу...

— Ничего, ничего, пожалуйста, — с готовностью откликнулся Щенов. — А на Медовом водопаде вы были?

— Ну, как же, как же! — дружелюбно улыбнулся Юдицкий. — Вы не будете возражать, если я вам сейчас сделаю немножко неудобно?

— О чем вы говорите! Сделайте одолжение! Только если вы не против, я в ответ на это уползу за ковер.

— Конечно, ползите, иначе судьи могут засчитать мне победу, а мне бы очень не хотелось вас огорчать...

— Да, но я тоже не хочу, чтобы вы из-за меня терпели моральный ущерб... Уберите, пожалуйста, свою ногу, а то мне слишком удобно будет сделать подсечку.

— Благодарю вас, — поклонился Юдицкий, отодвигая ногу. — А на Храм Воздуха вы поднимались?

— Не один раз, — покачал головой Щенов. — А вы на Большое седло ходили?

— Хаживал, — сентиментально вздохнул соперник. — Хорошее было время... А знаете... мне както совестно применять к вам... физическую силу... Хотите ничью?..

— Ну что ж, с удовольствием... Вы мне очень симпатичны... Я согласен на ничью. Пусть она будет напоминать нам Кисловодск, санаторий «Крепость» и ту прекрасную осень шестьдесят девятого...

— Да... да... — прикрыв глаза, улыбался Юдицкий. — Как вы хорошо сказали...

— Но почему шестьдесят девятого? — неожиданно встрепенулся он. — Семьдесят второго!

— Как?! — остолбенел Щенов. — Вы отдыхали там в семьдесят втором?!

— Ну да, — пожал плечами Юдицкий. — А вы разве нет?!

— Сто раз вам повторять, — вспылил Щенов, — я ездил туда в шестьдесят девятом!

— Так что ж вы мне голову морочите! — рассердился Юдицкий и подставил противнику ножку.

Тот упал на ковер и увлек за собой Юдицкого.

— Это вы мне морочите! — вылезая у соперника из-под руки, прошипел Щенов. — Питание, экскурсии... А я, дурак, уши развесил!

Злость придала ему новые силы. Он поднатужился и бросил противника через бедро.

— Это я уши развесил! — стоя на голове, яростно возразил Юдицкий. — Лицо мое ему, видите ли, знакомо! Ничью ему захотелось, так он решил меня на пушку взять... Я вам сейчас покажу лицо!

И, вывернувшись, он захватил плечо соперника. Бескомпромиссный поединок вступал в решающую фазу...

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Пляж был тих и малолюден. Ефимов закопал в песок бутылку пива и принялся закапываться по соседству сам. Неподалеку Обозненко с Лепехиным спорили о том, у кого из них ниже гемоглобин. Швыков, лежа на надувном матрасе, мечтательно смотрел в облака и прикидывал, что бы он смог купить, если бы с каждого облака на него упало по рублю. На душе у всех было спокойно и хорошо.

Вдруг Швыков прервал счет и сел.

— Глядите, — сказал он. — Курапов опять в море полез!

Ефимов выскочил из своего окопчика и приставил руку к глазам.

— Где? Где он?! Покажите мне этого безответственного типа!

— Вон он, видите? — вытянул указательный палец Швыков. — Возле той скалы..

— Что?! — подпрыгнул Обозненко, забыв на время о гемоглобине. — Да ведь под той скалой живет осьминог! Подумать страшно, чем это может кончиться.

— Что вы сидите? Надо немедленно остановить Курапова! — заволновался Лепехин.

— Поздно, — возразил Швыков. — Он уже по пояс в воду зашел.

— И ведь, небось, опять выпивши, — сокрушенно покачал головой Ефимов.

— Конечно, — поддакнул Швыков. — Как всегда. Он и в море-то полез с бутылкой. Наверно, дома не успел допить...

— О, ныряет, — перебил Обозненко. — Что же теперь будет? Ведь сколько раз ему твердили, что в пьяном виде лезть в море нельзя. Неужели опять случится трагедия?!

— А вы уверены, что осьминог живет именно в этом месте? — спросил Ефимов.

— Абсолютно уверен, — ответил Обозненко. — К сожалению, это точные сведения.

— Что ж вы стоите? — занервничал Лепехин. — Надо немедленно вызвать спасателей!

Швыков побежал к ближайшему телефону, а остальные торопливо направились к скале, за которой скрылся Курапов.

— Эй! — сложив ладони рупором, закричал Ефимов в сторону предполагаемого местожительства осьминога. — Эй, Вячеслав Федорович! Сейчас же вылезайте!

— Товарищ Курапов! — загремел на весь пляж Обозненко. — Одумайтесь! Вспомните, что вы обещали коллективу! Своим поведением вы снижаете процент гемоглобина в крови ваших товарищей! Сию же минуту выходите на берег!

— Раньше нужно было кричать! — строго заметил Лепехин. — Вы видите, он уже не отвечает.

— М-м-м! — донеслось с моря. — М-м-м! Вы правы! Он уже не отвечает.

Из-за скалы показался Курапов, обвитый щупальцами осьминога. Глаза животного были закрыты.

— Потерпи, Ося, — уговаривал осьминога Курапов. — Уже немножко осталось, сейчас дойдем... Ося, ты почему не отвечаешь? Почему молчишь, я тебя спрашиваю?

Но осьминог только бессмысленно покачивал головой.

— Говорил же я тебе: закуси рыбкой! — укоризненно сказал Курапов. — А теперь что мне с тобой делать? Подводишь ты меня, Ося, перед товарищами...

Он дотащил осьминога до берега и тяжело сбросил на песок.

— Спасатели едут! — закричал Обозненко. — Сюда, сюда, товарищи!

Спасатели уложили осьминога на спину и принялись делать искусственное дыхание.

— Может, водичкой его побрызгать? — обескураженно пробормотал Курапов. — Никогда бы не подумал, что он таким слабаком окажется.

— Ну, как? — дернул Ефимов за рукав одного из спасателей. — Надежда есть на спасение?

Спасатель безнадежно махнул рукой и отвернулся.

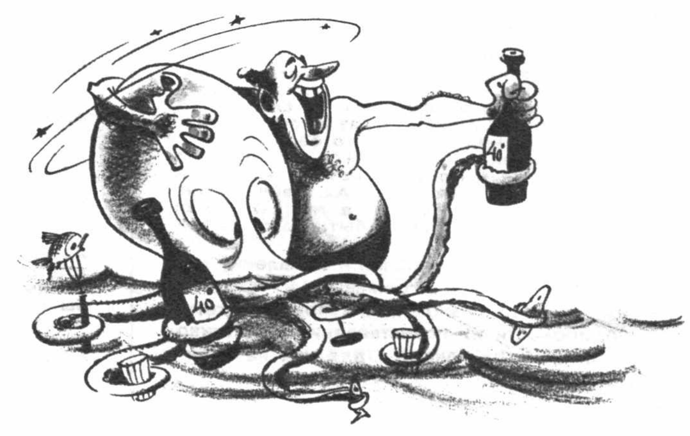
— Значит, трагедия все-таки случилась, — прошептал Лепехин. — Говорил же я вам, чтобы не пускали Курапова туда, где живет осьминог!

— Да, жалко животное! — убитым голосом произнес Обозненко. — Этот осьминог был последним обитателем прибрежных вод. А теперь все! Ни единой живой души в море на целый километр не осталось. Всех этот Курапов споил!

— Вячеслав Федорович! — с металлом в голосе произнес Ефимов. — Вы разве не знаете, что нужно беречь окружающую среду?! Сколько раз вам говорить!

— Не буду больше, — потупился Курапов. — Не рассчитал я. Не осьминог, а сопляк какой-то. Теперь только на себя рассчитывать буду, слово даю!

— Ну, смотрите! — многозначительно погрозил пальцем Ефимов. — Чтоб это в последний раз было! Окружающая среда — это наше богатство! — И, резко повернувшись на босых пятках, он решительно зашагал к своему окопчику.

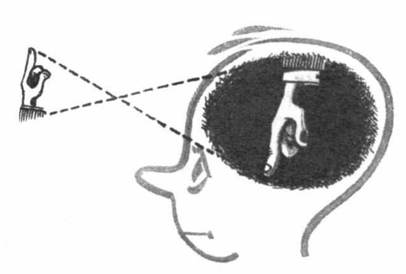
ПСИХОЛОГИЯ

Конечно, в своем деле каждый человек должен разбираться. Но только каким бы ты инструментом ни орудовал: молотком или скальпелем, — все равно тебе нынче одними специальными знаниями не обойтись. Надо еще и в психологии разбираться. Без знания психологии сейчас даже огурцов не вырастишь. У нас во дворе один жилец пробовал, да ничего у него не получилось.

Он сам-то селекционер-любитель был. Какие-то там новые сорта выводил. Ну, выделили ему на соседнем пустыре участочек небольшой, обнес он его штакетником и опыты свои начал. Прошло два дня, и уже первые результаты появились: через весь его участок наискосок прохожие дорогу протоптали.

Соорудил тогда селекционер заборчик из горбыля. И на самой большой доске написал: «Просьба по делянке не ходить!»

А к следующему утру как раз эту самую доску выломали, и все снова прут себе напрямик как ни в чем не бывало. Селекционер дырку заделал и весь забор листовым железом обил.

Спустя два часа приходит, видит: дырка еще больше прежней, и через нее какой-то тип велосипед протащить пытается.

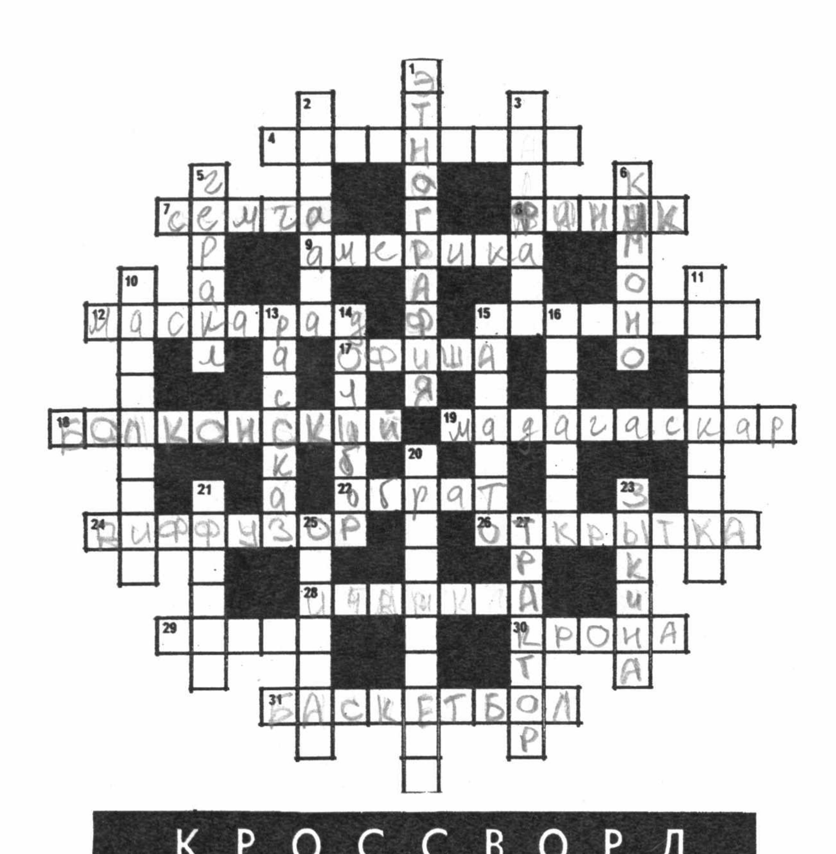
Селекционер участок колючей проволокой обнес. Порвали проволоку. Тогда он специальные колющиеся огурцы вывел, которые по земле стелились и прохожих за ноги хватали. Вскоре от огурцов одни воспоминания остались. Съели их прохожие. Селекционер собаку завел. Однако и собаку с панталыку сбили: прохожие и ее приучили в дырку лазить.

Воздвиг селекционер кирпичную стену. А к вечеру в ней ступеньки выдолбили. Сел селекционер на ступеньку и заплакал. А потом вспомнил, что в соседнем доме профессор живет, крупный специалист по психологии. Слез селекционер со ступеньки и пошел к нему советоваться.

Возвратился он оттуда радостный и сразу за работу принялся. Сломал стену, проволоку повыдергал. А на том месте, где дырка была, табличку укрепил: «Проход только здесь! По пустырю просьба не ходить!»

И с этого дня дорога через его участок травой заросла. Никто ею больше не пользуется. Все шагают в обход, по пустырю...

Великое дело — психология!

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж итальянской комедии масок. 7. Лососевая рыба. 8. Плодовое субтропическое дерево. 9. Часть света. 12. Драма М. Ю. Лермонтова. 15. Старинная дорожная повозка. 17. Объявление о спектакле, лекции. 18. Действующее лицо романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 19. Остров в Индийском океане. 22. Обезжиренное молоко. 24. Излучатель звука в громкоговорителе. 26. Почтовое отправление. 28. Центр Таймырского национального округа. 29. Бухта моря Лаптевых. 30. Денежная единица ЧССР. 31. Спортивная игра.

По вертикали: 1. Наука, изучающая законы народонаселения. 2. Виртуозная музыкальная пьеса. 3. Штат в США. 5. Герой древнегреческой мифологии. 6. Национальная японская одежда. 10. Вечнозеленый кустарник. 11. Певчая птица. 13. Литературный жанр. 14. Опера Б. Сметаны. 15. Залив Ионического моря. 16. Столярный инструмент. 20. Дневная бабочка. 21. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 23. Певица, народная артистка СССР. 25. Средний уровень воды. 27. Сельскохозяйственная машина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 6. Стерлитамак. 7. Свифт. 8. Степь. 10. Констанца. 12. Акоста. 14. Ранжир. 16. Каракас. 20. Стереоскоп. 21. Филармония. 22. Амарант. 24. Наждак. 26. Павлов. 27. Аргентина. 28. Гримм. 30. Гуашь. 31. Контрафагот.

По вертикали: 1. «Литвинка». 2. Прибаутка. 3. Сталевар. 4. Арат. 5. Марс. 9. Скагеррак. 11. «Мизантроп». 13. Титовка. 15. Антраша. 16. Кукша. 17. «Репка». 18. Кофта. 19. Салют. 23. Ренессанс. 25. Канифоль. 26. Парабола. 29. «Мать». 30. Граф.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Один за другим сходят с конвейера «Ростсельмаша» комбайны «Нива». Их ждут хлеборобы во всех концах Родины.

Фото А. Кулешова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Близнецы». Чеканка художника М. Микаберидзе. Грузия.— Комплект ювелирных изделий из янтаря. Автор Регина Ринкевичене, комбинат «Дайле», Каунас.— Шкатулка. Мстера.— Филимоновская игрушка. РСФСР.— Сосуд. Таджикистан. — Шота Руставели. Чеканка художника М. Микаберидзе. Грузия.

Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 15/IV — 74 г. А 00564. Подп. к печ. 2/V — 74 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 969. Тираж 2 140 000 экз. Заказ № 2109.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

МОСКВА ОТВЕЧАЕТ...

Этот красочный альбом, в котором содержательный текст органически сплетается с отличными фотографиями, является убедительным ответом на вопросы Международного олимпийского комитета.

Двадцать один вопрос задает МОК городу, который хотел бы провести очередную Олимпиаду. И вот эти вопросы задаются Москве, которая выразила желание стать в 1980 году олимпийской столицей.

— Существуют ли в Вашем городе или стране какие-либо правила, порядки или положения, которые ограничивали бы или препятствовали проведению Игр?

— В СССР не существует никаких правил, порядков или положений, в какой-либо мере ограничивающих или препятствующих нормальному проведению Олимпийских игр в соответствии с требованиями Олимпийской хартии.

Так звучит первый вопрос, и таков первый ответ хозяев.

Советская столица готова принять Олимпиаду. Об этом и рассказывают авторы альбома «Москва-80». Панорамой Москвы, снятой с птичьего полета, начинается этот рассказ, а затем мы видим главную арену спортивную в Лужниках.

— Знакомы ли вы с предыдущими Играми и изучали ли официальные отчеты об Играх? — задает вопрос Международный олимпийский комитет.

— Да, мы знакомы с предыдущими Играми и изучали отчеты об Играх, — так звучит ответ.

За этими строками стоит славное двадцатилетие, в течение которого советские спортсмены были непременными участниками всех Олимпийских игр. Вот что пишут об этом авторы альбома:

«После олимпийского «крещения» в Хельсинки команда СССР выступила еще на пяти летних Олимпиадах. 1 534 советских спортсмена защищали честь флага Родины и завоевали в общей сложности 558 олимпийских наград — 211 золотых, 178 серебряных и 169 бронзовых медалей».

Советское физкультурное движение выдвинуло ряд выдающихся организаторов спорта, людей, обладающих огромным опытом, и поэтому на вопрос МОКа «Имеется ли у вас организация, обладающая достаточным опытом для проведения Игр в выбранном вами городе?» ответ звучит убедительно и точно: «Национальный Олимпийский комитет СССР, советские спортивные федерации обладают достаточным опытом проведения крупных комплексных международных соревнований и соревнований по видам спорта». И альбом раскрывает перед нами многообразную и яркую спортивную жизнь Москвы. Мы видим крупнейшие соревнования, которые проводились за последние годы в Москве,— чемпионаты мира и Европы, Спартакиады народов СССР, Всемирные студенческие игры.

— Просим дать общие сведения о вашем городе, — спрашивает МОК. И в ответ на это альбом раскрывает перед нами красоты Москвы, широту ее магистралей, комфорт гостиниц, прохладу парков.

XXII Олимпийские игры намечено провести в самые лучшие дни лета с 10 по 24 августа, и снимки показывают нам августовскую Москву — переливы фонтанов, изумрудную зелень парков, обилие цветов. Интересные данные приводят авторы «Москвы-80». Оказывается, в Москве на одного жителя в среднем приходится 22 квадратных метра зеленых насаждений, в то время как в Лондоне — восемь, в Нью-Йорке — семь, а в Париже — четыре.

Уже в конце 1972 года был утвержден проект крупного комплекса гостиниц, которые будут использованы как олимпийская деревня. Этот комплекс состоит из трех высотных корпусов — жилая часть каждого из них двадцать пять этажей — и одного двенадцатиэтажного здания, к которому примкнет концертный зал на тысячу мест. Все эти здания объединены подножием, в которое вместятся помещения хозяйственного значения, библиотеки, рестораны, магазины и крытая стоянка для машин.

«Наши национальные традиции повелевают сделать все для того, чтобы Олимпиада в Москве стала олимпиадой гостеприимства, радушия, добрососедства. Ибо повелось издревле так: гость в доме — праздник для хозяина». Этими прекрасными словами начинается альбом «Москва-80». Ими можно закончить эту рецензию. Гость в доме — праздник для хозяина.

В. Викторов

«Москва-80». Издательство «Физкультура и спорт». 1974 г. Авторы-составители Борис Базунов и Сергей Попов. Художники — Юрий Дегтярев и Виталий Прохоров.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ХОДАКОВ

Ушел из жизни один из старейших советских журналистов — Михаил Сергеевич Ходаков (Хайкин). В последнее время, находясь на пенсии, М. С. Ходаков активно сотрудничал на страницах журнала «Огонек», будучи внештатным корреспондентом.

За плечами у М. С. Ходакова были долгие годы работы в периодической советской печати и на радио. Статьи Михаила Сергеевича на моральные темы и рецензии всегда находили своего благодарного читателя. М. С. Ходаков много и плодотворно работал над вопросами культуры поведения в обществе. Широкому советскому читателю хорошо известна его книга «Как не надо себя вести». В последние годы Михаил Сергеевич опубликовал цикл детских сказок «Трое неразлучных друзей и мудрый филин», которые пользовались заслуженной популярностью.

Михаил Сергеевич навсегда останется в памяти огоньковцев как человек большой душевной щедрости, верный и отзывчивый товарищ.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

У теннисистов важное значение имеет сильная подача. А как у шахматистов? Неужели уже первый ход белых может сразу же поставить противника в неудобное положение? И да и нет. Факт, что в четырех финальных матчах черные потерпели страшный крах. Есть такие гроссмейстеры, как Карпов, Смыслов, Спасский, Таль, Фишер, с которыми «неудобно» играть черными, ибо у них сильнейшая подача. Но вот в первой же партии матча Карпов — Спасский Карпов проигрывает свою подачу, и та же неприятность ждала Спасского в шестой партии: Карпов переключился на ферзевую пешку. Означает ли это, что он навсегда попрощался с королевской? Так или иначе решение Анатолия дало хороший результат. Спасский пока остался верен первому ходу е4, но и тут, кажется, его соперник перехитрил: Карпов применил защиту Каро-Кан. Полушутя шахматисты считают, что эта защита годится лишь для стариков, а не для 27-летних гроссмейстеров, но Каро-Кан — защита совсем не плохая. Достаточно вспомнить, что в матче-реванше Ботвинник — Таль именно в защите Каро-Кан Ботвиннику удалось отразить стремительные атаки рижского гроссмейстера. В трех партиях Спасский не сумел сломить Карпова. Наоборот, после двух довольно бесцветных ничьих в шестой партии Спасский потерпел поражение, и счет стал 2 : 1 в пользу Карпова.

В чем недостатки защиты Каро-Кан? Когда белые играют недостаточно активно (именно в этом можно упрекнуть Спасского), у черных хорошие шансы победить в выгодной ситуации. Так и получилось в шестой партии. Когда смотришь окончание этой партии, то впечатление такое, что Карпов ее провел выразительно, как Алехин, Капабланка или Ботвинник в лучшие годы или как сегодня ее мог бы провести Фишер.

Накануне матча знатоки считали, что у Карпова мало опыта и что как стратег он уступает Спасскому. Встречаясь в седьмой партии, Карпов сумел переиграть экс-чемпиона мира по всем правилам шахматной стратегии. В седьмой партии Спасский находился на грани нового поражения: он потерял пешку без всякой компенсации, и казалось, что вот-вот счет станет 3 : 1. Упорство и находчивость экс-чемпиона мира не выручили бы его, если бы Карпов на сороковом ходу не допустил незаметной неточности.

Таким образом, Карпов ведет 2 : 1 при четырех ничьих. Преимущество, конечно, нерешающее, однако при теперешней системе две победы означают, что Карпов наполовину уже выполнил свою спортивную задачу.

По совершенно иному сценарию проходит матч Петросян — Корчной в Одессе. Газета «Вечерняя Одесса» провела анкету среди своих читателей. На один из вопросов газеты читатели должны были сказать, сколько в этом матче будет ничьих. Некоторые читатели назвали цифру «16» и даже «18». Кто мог угадать график этого матча? Любого бы человека назвали комиком, если бы он перед началом матча заявил, что из пяти партий только одна-единственная окончится вничью. Угадать в Спортлото пять цифр легче, чем предвидеть подобный, совершенно неожиданный исход спортивной борьбы.

Если в Ленинграде черные одержали две победы, то в Одессе все четыре победы одержаны белыми. Корчной в каждой партии проявляет колоссальную жажду победы. Он в трех начатых партиях пошел ходом с4 и все три раза добивался полного успеха. Неужели нет защиты от этого начала?

Несомненно, что Корчной в Одессе находится в отличной спортивной форме. Не умаляя нисколько его отличный старт, необходимо все же признать, что не чувствуется высокого класса Петросяна в его дебютной подготовке, особенно, конечно, в игре черными. Белыми он сильно провел четвертую партию, а в пятой встрече снова захромала знаменитая техника защиты Петросяна, и счет стал 3 : 1 в пользу Корчного.

Положение двух экс-чемпионов мира незавидное, на обоих фронтах энергично и страстно в финал рвутся два ленинградца. Два «К».

1

2

1 Так началась шахматная премьера. Как и следовало ожидать, первую партию Карпов начал своим излюбленным ходом е2 — е4. Переполненный зал Дома культуры имени Дзержинского затаил дыхание: как ответит Спасский? Неужели он рискнет применять Сицилианскую защиту? Один из главных «коньков» Карпова? Да, да, экс-чемпион через несколько секунд сыграл с7 — с5. Так с первой же минуты матча начался напряженнейший спортивный и творческий конфликт.

2 К услугам зрителей — специальный бюллетень.

3 Тренера А. Карпова С. Фурмана называют живой шахматной энциклопедией. Это он несколько лет тому назад помог Анатолию стать чемпионом мира среди юношей. А какие у него планы сегодня?

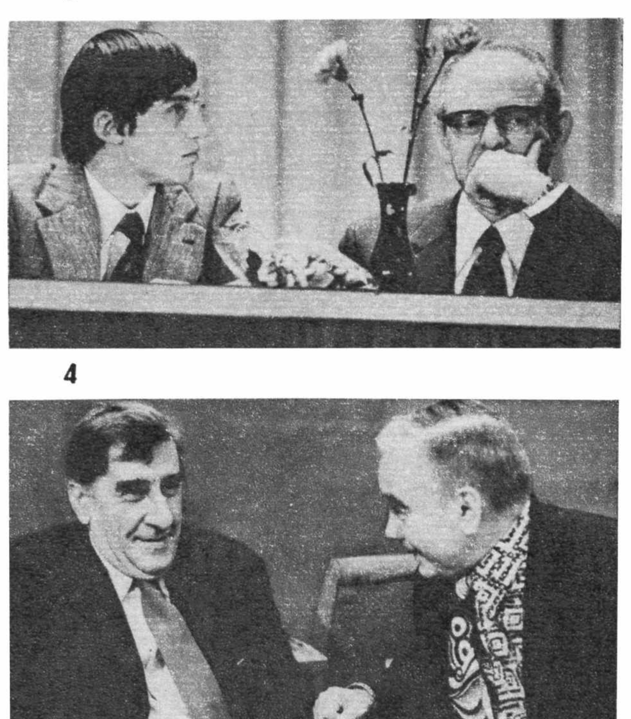
4 Специальный корреспондент «Правды» гроссмейстер А. Котов мило улыбается. Ему явно хочется услышать что-то интересное из уст секунданта Б. Спасского И. Бондаревского. Но Бондаревский молчит. Секундант матча не обсуждает — таков неписаный закон.

5 Электрическая сигнализация «Соблюдайте тишину!» не всегда помогает, и тогда главный арбитр матча В. Микенас поднимает вверх руки.

6 Быть президентом ФИДЕ почетно, но уж очень хлопотливо. Одни атаки журналистов чего стоят. Но М. Эйве никогда эти атаки не отражает. Он охотно отвечал на вопросы корреспондентов.

3

4

5

6

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663